

2
Библиотека
ИЗДАНИЕ
Ленина

Открыта подписка на 1932 г.
на единственный в СССР ежемесячный массовый интернациональный журнал

ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Центральный орган Международного Объединения революционных писателей МОРП).

Под редакцией **Бруно Ясенского**

Год издания 5-й.

„АМР“ журнала, всесторонне освещающий культурную жизнь Запада и Востока, посвященный мировой пролетарской литературе и искусству.

„АМР“ дает развернутую картину революционного движения во всем мире, отраженного в пролетарской и революционной литературе всех народов.

„АМР“ боевой орган международной пролетарской и революционной литературы, боевой орган интернационального воспитания масс; борется с враждебными идеологиями как внутри молодого международного пролетарского движения, так и вне его; разоблачает литературные агенты мирового социал-фашизма.

„АМР“ должны читать рабочие ударники, все работники культурного фронта, партийный советский актив, работники культурных отделов профсоюзов и отделов народного образования, библиотекари и работники массового пролетарского движения, писатели и критики, преподаватели и студенты ВУЗов, преподаватели литературы на рабфаках, ФЗУ и трудовых школах и все интересующиеся современной зарубежной литературой и искусством.

„АМР“ — богато иллюстрируется рисунками революционных художников всего мира, фото-снимками, карикатурами и т. п.

В каждом номере печатается без продолжения роман одного из виднейших иностранных и революционных писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 10 р., на 6 мес. — 5 р., на 3 м. — 2 р. 50 к. Отдельный номер 1 р.

„Литература Мировой Революции“ издается параллельно на языках: французском: La literature de la revolution mondiale немедком: Literatur der Weltrevolution английским: Literature of the world revolution и является лучшим литературно-художественным журналом на родном языке для иностранных рабочих в СССР и всех изучающих иностранные языки.

Подписка принимается всеми отделениями, магазинами и уполномоченными Книгоцентра, на почте и письменно.

ГРАФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

по диагностической методике Л. М. КОЖЕБАТКИНА

ГРАФОЛОГ-ЭКСПЕРТ

Д. М. ЗУЕВ-ИНСАРОВ.

Автор книги „Почерк и Личность“ и ГРАФОКОНСУЛЬТАНТ Л. М. КОЖЕБАТКИН производят ГРАФОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЧЕРКОВ. ПО ПОЧЕРКУ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ: умственное и волевое развитие, способности, предположения; отмечаются сильные и слабые стороны характера и т. п. Люди, указавшие свой точный адрес и высланные почерк в заказан. письме (письма на любовь и т. п. безразлично что), получают подроб. характеристику. Оплату в сумме 5 р. высылает при заказе переводом.

Адрес: Москва, 9. Аб. лиц. № 1242/0 — КОЖЕБАТКИНУ. Книга „Почерк и Личность“ с характеристиками и отзывами гг. Луначарского, Семашко, Максима Горького, Ари Барбюса и ряда др. высылается по особому запросу.

ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ,

4

4-АЯ ВЕЩЕВАЯ ЛОТЕРЕЯ ДЕТКОМИССИИ при ВЦИК

27-го декабря 1931 г. в гор. Ростове и/Дону назначен тираж 7-го разряда, всего выдано 12.500.000 лотбилетов на сумму 6.400.000

ВСЕГО ВЫИГРЫШЕЙ 23.160 НА Сумму 960.000 руб.

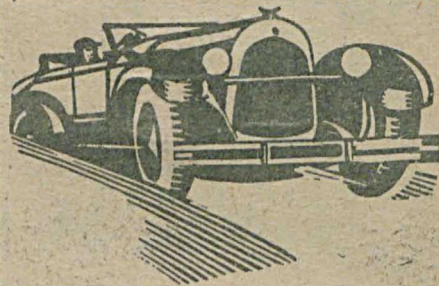
РАЗЫГРЫВАЮТСЯ: автомобили, отрезки на пальто и костюмы, музыкальные инструменты, часы, будильники, обувь, в том числе дамские боты, детские игры, вещи спортивного и домашнего обихода и проч.

ГЛАВНЫЕ ВЫИГРЫШИ СТОИМОСТЬЮ в 3.000, 2.000 и 1.000 руб.

Вся вырученная сумма от реализации билетов поступает в фонд на ликвидацию детской беспризорности

Билеты продаются в Деткомиссиях, ячеек ОДД, школах, ВУЗах, техникумах, во всех учреждениях, а также непосредственно в Деткомиссии при ВЦИК

ЦЕНА БИЛЕТА 50 КОП.

Вопросы П о л а

**П О Л О В О Г О
В О С П И Т А Н И Я
В Б Р А Н Д Е И С Е М Ь И
А Л Ь Б О М В Т Р Е Х Ч А С Т Я Х
(более 1.300 рисунков)**

Под редакцией профес. В. М. ТАЛИБЕВА, Н. П. НОРДАНСКОГО, С. Я. ВОЛЬФСОНА и при участии проф. Т. П. САХАРОВА и проф. И. СОРОХИНА. К альбому прилагается самый мниг (1115 стр. текста) Цена альбома в папке со всеми приложениями 30 рублей. Высылается только по получ. задатка не менее 10 р. Москва, Г. С. П. 10. Моховая ул., д. № 26 кн. маг. Проспект. 6-я „ПРОМЕТЕЙ“.

САМО-УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ

Фонально-муз грамота. Постановка и развитие голоса. Техника дыхания. Начальные упражнения. Цена 4 р.

САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА СКРИПКЕ

Нотная грамота, наставления, упражнения и ноты. Цена 3 р. 75 к.

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК

Излюбленные и изысканные продукты экономно готовить разнообразно, сытные и вкусные блюда, такие тесты и напитки. Множество полезных советов. Цена 0 перес. 3 р. Киев, Кооп. т-во „Логос“ улица Воровского 24/3 ящик 121.

КУРЯЩИМ!

Обезвреживайте куренье, употребив искусствен. ароматиз. табак, не содержащий вредн. для здоровья яда никотина, отравля. организм. Вкус и аромат имеет настоящее. табак. Необходим каждому курильщику. Приготовить его можно дешево и просто. Наставл. высл. по получ. 3 р. ИКЕВ, почт. ящ. 32/5, авт. Ашхмни.

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ РОСТ

Г И Х Л
Книгоцентр

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 год на

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КРАСНАЯ НОВЬ

(Орган федерации Объединения советских писателей)

Выходит под редакцией Ф. ГОРЮХОВА, В. ИВАНОВА, А. ЛЕОНОВА, В. СУТЫРИНА, А. ФАДЕЕВА

В 1932 году будут печататься новые произведения:

- МАКСИМ ГОРЬКИЙ — Егор Булычев (повесть)
- А. ФАДЕЕВ — Последний из Удэге (роман)
- Вс. ИВАНОВ — „У“ (роман)
- Л. ЛЕОНОВ — новый роман
- Ю. ТЫНИНОВ — Обезьяна и колокол
- Валентин КАТАЕВ — Рова ветров (роман)
- А. ЯКОВЛЕВ — Кольцо (роман)
- Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ — Бригада Кубасова (повесть)

- С. СЕРГЕЕВ - ЦЕНСКИЙ — Стремительное шоссе (повесть)
- Вл. БАХМЕТЬЕВ — (повесть)
- И. НИКИТИН — Дни и ночи (повесть)
- К. БОЛЬШАКОВ — Маршал Столпного дна (повесть)
- А. СЛАВИН — Происхождение нефти (повесть)
- Б. ЛЕВИН — Вот какая это была лошадь.
- Х. М. МУГУЕВ — Чеченцы (повесть)

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН НА ПАРТИЙНЫЙ, КОМСОЖОЛЬСКИЙ, ПРОФСОЮЗНЫЙ И КОЛХОЗНЫЙ АКТИВ И СОВЕТСКУЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год 12 р., на 6 мес. 6 р. Цена отдельного номера 1 Р. 10 к.

Подписка принимается в отделениях, магазинах, киосках Книгоцентра, их уполномоченными, всюду на почте и письменно.

Заочные Госкурсы Росписи

(РАЗРИСОВКА) по всевозмож. тиражам. Крашам: рельефы, маляки, эмали. Брызган. Прикрасками: оверлающ., блоера, мешуга и др.
Способы: не разлив. анкила, прозрач. росписи мягкого золота, цветного серебра. Роспись глины, стекла, сосуда, целлулоида, кожи, дерева. К урокам прилагается свыше 200 рис. (кроме текстовых).
По означенн. выд. свидетельство. Умение роспис. не требуется. Подробности высыл. за 20 к. мелк. почт. марками.
МОСКВА, Панкратьевский пер. д. 9/10. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ СОНО.

М. ГОРЬКИЙ

ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Предисловие
к серии романов

В 1932 году Журнально-газетное объединение дает приложением к журналам „Огонек“ и „Рост“ ряд романов, объединенных одной темой—история молодого человека XIX столетия. Какая цель издания?

О каком молодом человеке XIX столетия идет речь и почему наша молодежь должна ознакомиться с его историей?

Молодой человек этот—самая значительная фигура литературы XIX века. Он не исчез и в XX, он существует в наши дни, а потому вполне своевременно осветить историю его рождения, его значение в жизни, уместно подумать о том, какова его роль в стране, где строится первое в мире социалистическое общество.

Историческая значительность этого молодого человека утверждается тем фактом, что на протяжении почти полутора столетий о нем, о драмах его жизни писали книги все крупнейшие литераторы Европы и России,—писали и все еще продолжают писать. Не будет преувеличением, если скажем, что жизнь этого человека служила основной темой литературы XIX столетия. Известно, что этому столетию предшествовала Великая французская революция и что в течение его разыгрывались драмы 30-го, 48-го и величайшая из них драма 71-го года. В этом веке на сцену истории выступил новый герой—пролетариат; выступил как сила, осознавшая свое историческое значение и свое право на борьбу за власть против буржуазии, которая во Франции его руками, его силой вырвала власть из рук феодального дворянства. Совершилось в XIX в. еще немало событий такого огромного, решающего значения, как, например, рост экспериментальной науки и рост техники.

Однако художественная литература не обратила должного внимания на бури классовых драм, на проблемы социального бытия, а предпочла посвятить исключительно мощные силы свои изображению драм личной, индивидуальной жизни. При этом следует отметить, что она не пользовалась как материалом своего творчества биографиями наиболее крупных и характерных людей эпохи. Она почти не уделила своего внимания деятелям французской революции или красочным „героям“ наполеоновских войн. Казалось бы, что творческую силу романистов, их, так сказать, ремесленные симпатии должны были привлечь к себе столь яркие фигуры, как, например, граф Мирабо или Дантон, Роберт Оуэн, Сен-Симон или Гракс Бабеф, как знаменитый революционер в области науки химик Лавуазье или не менее знаменитый физик Фарадей, выходец из рабочего класса, как Михаил Ломоносов и другие люди этого ряда, люди, которые фактом бытия и творчества своего говорили о том, какие могучие силы скрыты в темной массе трудового народа. Обойдены вниманием литераторов и такие фигуры, как сын трактирщика Иоаким Мурат, впоследствии король Неаполи, сын бондари и рядовой солдат маршал Ожеро, сын рыночной торговли маршал и герцог Ней. Литературно интересен был и сам Наполеон, „последний из кондотьеров“ и фабрикант „героев“ в течение двух десятков лет войны, не показаны миру литературы XIX в. промышленники и банкиры во всем их отвратительном и фантастическом величии.

Художники слова посвятили свое мастерство главным образом изображению личной жизни некоего молодого человека, который не отличался особенной даровитостью ума и силою воли,—человека, в сущности, весьма „средних качеств“. Чем же можно бы объяснить этот интерес литераторов эпохи разнообразных героев—интерес к молодому человеку „средних способностей“? Вероятно, только тем, что сами литераторы, несмотря на их исключительную талантливость, а в некоторых случаях даже гениальность, были социально—кровно и духовно—родственны герою, избранному ими.

Духовным родоначальником молодого человека, о котором идет речь, можно считать Жан-Жака Руссо, блаженного Августина XVIII столетия. Жил Руссо в „эпоху просвещения“, в тот век, когда исследующий разум властно заявил о своем праве критики и решительно вступил в бой против хитростей католицизма, против чувства веры, против церковной мистики. Руссо был сотрудником Вольтера, д'Аламбера, Дидро по работе знаменитой „Энциклопедии“, но он решительно поставил чувство выше разума. Он был гораздо больше католик, чем „свободный мыслитель“, и в его „Рассуждении о причинах неравенства людей“ основные социалистические посылки кажутся списанными у Лактанция, перковника IV столетия, а обличения современного ему, Руссо, социального строя уступают в силе обличениям епископа Гиппонского, который тоже считал государство „греховной силой“. Он не говорил вслед за Августином: „Верю, потому что—невероятно“, но его „Речь о науках“—речь мистика, церковника, уверенно-

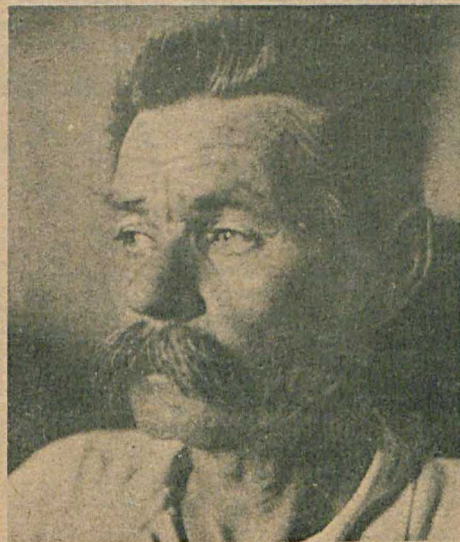
на день, то легко предвидеть, что государи не замедлят приложить столько же стараний к тому, чтобы изгнать это ужасное искусство из своих владений, сколько они раньше прилагали стараний к введению его“.

Психологическое сродство Аврелия Августина, который жил в IV—V веках, и Жана Руссо, человека XVIII столетия, весьма заметно в „Исповедях“, написанных тем и другим.

Руссо был прежде всего человеком верующим, а исследующим—настолько, насколько это требовалось для укрепления его чувства веры. Веровал же он,—как сказано в его „Исповеди“,—веровал он в то, что является существом совершенно исключительным, даже как-то иначе, лучше, чем все другие люди, созданным природой. Убеждение в своей личной исключительности и оригинальности внушило ему мысль, что и вообще только личности, стремясь к дальнейшему совершенствованию своих качеств, основанных на чувстве, только личность, единица творит новые формы жизни и ведет за собою обыкновенных, рядовых людей. Он успел сказать это достаточно красноречиво, с предельной ясностью, это учение и дает нам право считать Руссо первым, самым талантливым апостолом индивидуализма. Его влияние на современников было огромно и широко. Иммануил Кант, основоположник индивидуализма в философии, зачитывался его „Речью о науке“. Шиллер обращался к Руссо с такими словами: „Пусть безумие руководит миром! Вернись домой к своим братьям ангелам, от которых ты снизошел к нам“. Сын прачки, а впоследствии генерал-лейтенант русской службы и автор „Фауста“, Фридрих Клингер находил, что природа открыла Руссо свои святые и сокровенные тайны. Особенно сильно было влияние Руссо на немецкую литературную молодежь второй половины XVIII века. Проф. М. Розанов, автор книги „Яков Ленц, поэт периода бури и натиска“, устанавливает три тенденции, несомненно замкнутые у Руссо романтиками того периода: культ личности, культ чувства и культ природы. Яков Ленц, один из литераторов той поры, поучал, что подлинное знание доступно только личности гения, „только гений способен проникнуть в глубочайший смысл всех явлений и существо всех существ. Гений не нуждается в опыте, он познает силою интуиции и более истинно, более глубоко, чем обыкновенный человек познает усилиями разума“.

Утверждали, что чувство всегда и строго индивидуально и якобы совершенно независимо от внешних впечатлений бытия, от условий эпохи, влияния класса. Вертер, герой романа Гете, говорит: „То, что я знаю и думаю, могут знать и другие, сердце мое принадлежит только мне“. Признавалось, что голос сердца—голос божий; отдавался влечению сердца, человек как бы вступал в связь с таинственными силами мира. Все это весьма похоже на бред, но— в это верили, как в „священную истину“.

Может быть, в мелких, экономически немощных немецких государствах, где значение личности было особенно ничтожно, буиные фантазии романтиков способствовали росту сознания собственного достоинства молодого человека той поры. Но в

М. Горький

го во вреде наук. В сочинении этом сказано, что „науки выдумал один из богов—враг душевного покоя людей“,—ученики Руссо назовут этого бога Дьяволом. А в трактате о неравенстве людей между прочим дана такая оценка книгопечатания: „Если взглянуть на ужасные беспорядки, которые книгопечатание уже вызвало в Европе, и если о будущем судить по распространению, которое зло получает со дня

то же время убеждение в своей „исключительности“ должно было вызвать в единице ощущение социального одиночества, должно было воспитать чувство вражды к обществу и государству, привить единице странную болезнь,—ее можно назвать социальной слепотой. Вообразив себя гением, силой, которая способна единолично разрешить все „загадки бытия“ и судьбы народов, молодой человек не находил для себя места в жизни и ему нигде было деваться, кроме как „замкнуть дух свой в самом себе“, бежать в пустыню бесплодных, рова гических мечтаний, в Фиваиду эгоцентризма и мистики, куда в первых веках христианства скрывались от грешного мира монахи. Точно так же, как монахи считали страдание уделом истинного христианина,—Шатобриан и многие другие романтики признают страдание уделом всякой выдающейся личности.

Виконт Франсуа Шатобриан, виконт Луи Бональд, граф Жозеф де-Местр и прочие реакционеры — „могильщики революции“ призывали страдание уделом бытия своего не потому, что они исповедывали религию „страдающего бога“—Христа, а потому, что они были осколками разбитого, осужденного класса. Вполне допустимо, что они, аристократы, действительно страдали, создавая „идеологию“ для лавочников, для людей, которые отрубили головы их королю и сотням людей их класса. Но вместе с ними и в том же направлении уже работали дети лавочников, как напр. Баллаиш, сын книготорговца, и другие молодые люди буржуазии, люди, напуганные революцией и вождем ее—критическим разумом „века просвещения“. Критика уже мешала строительству государства лавочников, железного прессы для выжимания золота из крови и плоти трудового народа. Нужно было погасить, стереть провозглашенные революцией лозунги „свободы, равенства, братства“, и этому делу ничто не могло послужить лучше, чем служила мистическая идеология церкви.

Но всякая религия,—а христианская особенно,—усердно заботится о том, чтобы трудовой народ покорно подчинился воле командующего меньшинства, чтобы раб считал владыку „властью от бога“,—всякая религия неизбежно должна воспитывать владык, и все религии так или иначе принуждены утверждать значение личности, единицы, ставить ее против массы

как монарха, пророка, вождя, героя, в конечном счете как „спасителя“.

По закону диалектики это учение, внедренное в практику жизни, должно было обратиться в свою противоположность, оно и обратилось: XIX век, век неограниченной власти буржуа, стал веком развития анархизма. Железный пресс буржуазного государства не падал и своих детей, а многие из них, воображая себя достойными высокими позиций, не находили места в жизни иного, чем должность прикащика в лавочке или служащего в конторе, а Шатобриан учили их: „Человек должен стремиться только к независимости“. „Будем смеяться над воплями толпы и довольствоваться сознанием, что, пока мы не вернемся к жизни дикарей, мы всегда будем рабами того или другого человека“,—говорил Шатобриан. Другой последователь Руссо, Синанкур, заставляет героя своего романа „Оберман“ сказать: „Я блуждаю среди толпы, как человек, который неожиданно оглох“. „Это—искусственная глухота, ее воспитало полное презрение ко всем человеческим затеям“,—как вполне правильно указал Де-ла-Барт в его лекциях о „Литературном движении на Западе первой трети XIX столетия“. Этой социальной глухотой и слепотой страдали весьма многие из героев русской литературы, и главнейшие мысли „исключительных“ людей были прекрасно знакомы человеку, изображенному Достоевским в „Записках из подполья“. Презрение к жизни „толпы“ и желание бежать от действительности тоже дошли до наших „исключительных“, и в 1905 г., когда наша „толпа“, движимая сознанием своего права борьбы против класса грабителей ее труда, мощно пошевелились, Валерий Брюсов, несколько смущенный ее „чугунным топотом“, пропел:

„А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы

В катакомбы, пустыни, пещеры“.

Эгоцентризм Шатобриана и предшественников его, немецких романтиков XVIII в., с предельной полнотой и ясностью изобразил в 1845 г. духовный сын Руссо—Макс Штирнер в книге „Единственный и его собственность“. Можно сказать, что с начала XIX в. на теле буржуазии появилась некая—смерва не очень болезненная—опухоль, стало разрастаться нечто вроде „дикого мяса“. Постепенно разрастался,

оно начало действовать разрушительно. Но снова, как в XVIII в., разрушая понемногу церковные, консервативные и вообще отравительные идеи буржуазного общества, „исключительные личности“, эти „лишние люди“ буржуазии, все-таки в огромном большинстве были и остались ее кровными детьми. И создав в области литературы немало поучительного, исторически неоспоримо ценного, подробно изобразив и „душу“ и быт своих отцов, они с полной, исчерпывающей ясностью показали нам творческое бессилие буржуазии и рассказали весь драматический процесс постепенного банкротства индивидуализма,—процесс, который возник почти на другой день после победы буржуа над феодадом и так отвратительно заканчивается в наши дни.

Бессмысленная жадность к наживе, притупив интеллектуальные способности буржуазии, сделала ее близорукой и отвратительно консервативной. Стремясь к наслаждениям чувственным и быстро растрачивая силы свои на этом пути, буржуазия XIX в. в массе своей являет картину истощения интеллектуальной энергии. В XVIII в. она была умнее, энергичнее, талантливей; тогда она умела ценить своих Вольтеров, разрушителей идеологических основ феодального строя. В XIX в. ее дети начали разрушать основы ее строя, ее быта. Очень характерно, что XIX век в литературе многократно восстановил и разработал средневековую церковную легенду о человеке, который в жажде славы и наслаждений продал душу свою дьяволу. Легенду эту обрабатывали Гете, Клингфер, Ленау, Поль Мюссе. В романе „Пан Твардовский“, приписываемом Крашевскому, она у нас выдержала бесконечное количество „лучбных“ изданий. Настоящим героем этой легенды является в сущности не Фауст, а Дьявол, символ того самого разума, работа которого в XVIII в. разрушила церковно-феодалную идеологию государства дворян. Во всех „Фаустах“ рассказывается, что из договора, из союза с Дьяволом—разумом человек никакой пользы для себя не извлек, а только преждевременно попал в ад. Это совершенно верно, если адом считать жизнь, так бессмысленно и бесчеловечно устроенную мешанством Европы и Америки.

Окончание в след. номере

ЛЕС ОШОММЫ

ЧЕРЕПАХА

Дрогнул ремень, покачулся, и вот
Двинулись сверла.
Шурша по станине,
Так медленно, будто вот-вот застынет,
Каретка шипя поползла вперед.
И шкив самый быстрый, идя в наступление,
Напрасно старался ускорить движение.
Точные буквы, их десять—двенадцать.
И нигде Васиной грусти податься.
Снова каретка тиха и упряма,
На половине повиснет программа.
Сверла равняют усталою поступью.
Шкив и каретка—попятно и просто.
Но там, под коробкой, где сеть шестеренок,
Где бьют конуса, переборов разгоны,
Где чорт его знает, какие пружины,
Откуда медлительность душит станину,
Там все непонятно,
Там шум незнаком.
И Вася волнуясь следил за станком.
И прямо над Васей, как лозунг ярка,
Вздыхала широкие плечи доска.
И прямо на Васю ребята пылили
Походкой победной автомобиля.
И мила смешав с миллиметровым взмахом,
Шла твердо, лобая черепаха.

Кому веселье, но тут не до смеха,—
Мой Вася на черепахе ехал.
И тут ничего не поправишь Казалось,
От грязи и пота лоснилась рука.
Вчера ему мастер сказал, что, пожалуй,
Придется снимать его со станка.
Дразня и маня,
На болтах, на заклепках
Блестела привинченная коробка,
Вились под ней и гудели слегка
Горлячки внутренности станка.
Программа разбита, задушена, смята.
Казалось, что это они виноваты.
И Вася бледнее,
Нескладный и робкий,
Решился проникнуть к заветной коробке.
Пускай отмахнулся неправильный мастер.
Пускай, сколько хочешь, смеются ребята,
Станок забузил, он пойдет недостаток,
Он сердце коробки разложит на части.
А шестерни шли в непонятном порядке.
Зубья держали их мертвой хваткой,
Ощерились ежиком,
Шуток не любят
Враждебные крепкие черные зубья.
А время шагало упорно и плотно.

И Васины щеки горели от пота.
Надежда стучала, взлетала и гасла.
И Васины руки блестели от масла.
И в полдень.—
Часы, никогда не забыть их!—
Под пальцами Васи родилось открытие.
Он понял, что путь этих зубьев изменчив,
Что в центре нужна шестеренка поменьше,
Чем средняя меньше. Чем больше в про-
ходах,
Тем больше торопится нить самохода.
И с радостным зудом и с клекотом в горле
Он свинчивал гайки, закатывал сверла.
И на пол упала, смывая друг дружку,
Горлячками лентами ровная стружка.
И поlies на буксе все ту же и ту же,
И в свисте оправок и в шопоте стружек
Он видел, как рвется в станковом размахе
Программа сквозь поступь его черепахи.
И сверла—острее, и букс—восемнадцать,
И вот уж за ним черепахе не гнаться!
Она отстывает, сдается,
А следом
Высоко равняется в штабель победа.

Лев Ошанин
(литударник „Огонька“)

Вторая тихоокеанская эскадра стояла у острова Носси-Бе, отделенного от Мадагаскара водным пространством. Великолепный рейд защищен со всех сторон с востока он прикрыт конусообразной возвышенностью Носси-Комба, с юго-востока — мальгашским полуостровом Анкифи, а с запада — группой надводных рифов. Здесь так просторно, что могли бы вместиться сотни кораблей, не мешая друг другу.

Мы были захвачены новизной впечатлений. Все прельщало вокруг своей экзотикой: и просинь между лиловых гор, похожих на вздувшиеся паруса, и холмы, истекающие изумрудом полуденных растений, и таинственная тень, залегшая в ущельях, и своеобразные извилины берегов, изрытых фиордами. На берегу Носси-Бе раскинулся небольшой городок Хелльвил: сначала, прятаясь в зелени пальм, идут белые здания европейцев, а за ними на уступах красного глинистого холма мостятся жалкие хижины туземцев.

На островах много было фруктов. Бананы и ананасы, покупая их у туземцев, мы ели, как репу. Но здесь не было овощей. Могли добывать только картофель, да и то с трудом и по дорогой цене. Матросы скупились о свежих щах, а у нас имелась в запасе лишь квашеная капуста, но она настолько испортилась, что от каждой бочки несло, как от выгребной ямы. Приходилось удовлетворяться в обед супом или похлебкой. Зато свежего мяса можно было достать в любом количестве.

Мы приобрели на броненосец „Орел“ шестнадцать быков и двух коров. Быки были крупные, сытые, с выдающимися, в аршин длиною, размашистыми рогами, с мохнатым горбом на спине, как у верблюда. Их доставили нам местные туземцы, сакалавы, на своих пирогах. Эти оригинальные суденышки были выдолблены из ствола толстого дерева. Чтобы такая лодка не перевернулась, к ней пристроен параллельно борту на двух поперечных жердях противовес, своего рода полз с загнутым концом, скользящий по воде. Он всегда с правого борта, слева концы жердей соединены для крепости брусом. В ветер, поставив громадные паруса, сакалавы смело управляют своими пирогами и носятся по гребням волн, как альбатросы, иногда обтавливая паровые катера. Я представлял себе, какое смятение пережили быки, прежде чем их доставили к левому борту нашего броненосца. Но еще ужаснее было, когда их начали поднимать на шкатуф. Делалось это так: под брюхо быка подводился двойной строп, расходящийся к нахам передних ног и к нахам задних ног; затем строп подхватывался гаком, иначе говоря, железным крючком сгустившегося по-прежнему гордена и сейчас же раздавался крик:

— Слабину vybrati.

Потом следовала более громкая команда:

— Пошел горден!

И животное медленно взвивалось на воздух. Ошеломленный бык дрожа падувался, напрягал мускулы, вытягивал ноги и пучил, округляя большие фиолетовые глаза. Он не понимал, что смерть придет позднее, когда ударит кувалдой по лбу и вонзят в горло нож, но чувствовал ее теперь же всем своим существом. Нужно было поднять его значительно выше борта, чтобы потом оттяжкой подтянуть его на судно, травы в то же время горден. Очувшившись на палубе левого шкатуфа, бык еще долго не мог притти в себя и бестолково оглядывался.

Слабый ветер, вызывая блеск рябил рейфовую поверхность. О чем-то задумались зеленые высоты островов. Вокруг судна плавали голые черномазые ребятишки. Они по целым дням держались на воде, выпрашивали деньги и, если им бросали с борта монету, ныряли за нею в глубину, как черные утята. Но теперь, любясь зрелищем погрузки быков, они что-то кричали и звонко смеялись. На баке, около борта, столпились матросы, большинство унтер-офицеры, делились впечатлениями:

— Говядина будет на славу.

— Скотина нагульная.

— Я таких больших рогов сроду не видал.

— Не дай бог, если такой прыгнет.

Судовой фельдшер пояснил:

— Эти быки, надо полагать, из породы саига. С такими огромными рогами они водятся только в Африке. Больше нигде нет. Считают, что родоначальником их является буйвол...

Остался на пироге один только бык, бугай, дымчатой масти, самый могучий, с висячим книзу мясистым подгрудком, с мудрыми на широком плоском лбу, с необычайно толстой шеей. Шерсть на нем лоснилась и отливала, как дорогой бархат. Это был богатырь и красавец среди своих собратьев. Когда его начали поднимать, он вдруг завозился, замотал головою, весь изгибаясь и размахивая ногами. Несмотря на сопротивление, горден продолжал его тянуть вверх. В это время мичман Воробейчик, сверкая стеклами неспе, что-то крикнул по-французски сакалавским ребятам, показал им серебряный франк и бросил его за борт. Монета упала в воду как раз под быком, которого медленно поднимали на воздух. Чернокожий мальчик, лет двенадцати, с раздувшимися словно от опухоли, щеками, за которые он закладывал пойманные медяки, нырнул за монетой. Расстояние до нее было довольно большое, и она успела погрузиться глубоко, прежде чем попала ему в руки.

Бык был поднят выше борта, когда передняя часть стропы неожиданно съехала к задним ногам. Потеряв равновесие, он на мгновение повис вниз головою, а затем в ту же секунду, выскользнув из стропы, бутылкнулся в море и сразу исчез в глу-

бине. Сакалав, стоящий на пироге, чернокожий хозяин его, весь голый, если не считать повязки вокруг бедер, испуганно вскинул руки. Что-то кричала плавающая ребятишки. На палубе броненосца, глядя за борт, все молча вытянули шею.

Очевидно, бык пролетел мимо мальчика и в тот именно момент, когда юный сакалав уже поднимался вверх. Что представилось ему, когда рядом с ним, на большой глубине, в зеленоватой пучине, смутно обозначилось рогатое чудовище? А он не мог не видеть его, ибо нырял с открытыми глазами. Ко всеобщей нашей радости мальчик всплыл целым и невредимым, но тут же, запрокинув шерстистую голову, заорал истошным голосом. Руки его несуразно заплепали по воде, словно были падломлены. Он ошалело бросался то в одну сторону, то в другую, пока его не выхватили на пирог.

Команда на борту загалдела, а кто-то громко произнес:

— Вот, подлый гад, что наделал.

Мичман Воробейчик как будто не слышал этих слов и, заложив руки за спину, стоял у борта с напускным равнодушием на побледневшем лице.

После мальчика через несколько секунд показались на поверхности рогатая голова. Теперь внимание всех было сосредоточено на ней. Один из матросов отметил:

— Нырять может.

Отфыркиваясь горько-соленой влагой, бык мотал головою и, как ошеломленный человек, моргал выкатившимися глазами. Он сам направился к пирогу, словно искал в ней спасение. Но с покриком уже спускался горден со стропом. Сакалав, схватив строп, быстро сделал из него петлю и накинул ее на размашистые рога животного. В следующий момент из белозубого оскла чернокожего человека вырвался не крик, а какой-то торжествующий визг, сопровождаемый энергичными жестами рук. Это означало, что нужно выбрать горден. Бык, поднимаемый за рога, сгорбил спину, согнул передние ноги в коленях, а задние — вытянул. Под лоб закатились круглые фиолетовые глаза. Когда его опустили на палубу, он не мог стоять и, словно парализованный, рухнул на нее животом. При вздохах в его легких что-то хлопотало. Минут десять он лежал, лоснясь мокрой шерстью, неподвижно, с натуженным взглядом. Потом вдруг вскопчил, оглашая рейд утробно-угрожающим ревом, взбунтовался. Но на его рогах была уже другая петля изленькового конца, который матросы успели завернуть за шлюп-балку. Бык, силясь обрвать конец, весь напрягся, упрямо согнул голову, напружинил, изгибая длинный, с кисточкой на конце хвост, похожий на извивающуюся змею. В это время потемневшие глаза великана кроваво-оскислись на людей.

Бела-Иллеш, Л. Леонов, И. Сельвинский, Л. Авербах, И. Бехер, Ал. Сурков, Н. Огнев, А. Гидаш, С. Гуров, А. Фадеев, И. Минитенно, С. Нирсанов, И. Утнин, Б. Галин, Ал. Гатов, Б. Левин, В. Киршон, Михаил Кольцов, К. Федин, Гая-Гай, М. Колосов, Ефим Зозуля, С. Мстиславский, Ал. Дейч, Г. Корабельников, В. Герасимова, Б. Ясенский, С. Щипачев, М. Чарный

Японский империализм наступает

Н. Ермаков

Европейские дипломаты, воротилы Лиги наций в специальных сессиях, заседающих при закрытых дверях вырабатывают резолюцию по вопросу об оккупации японскими империалистами Манчжурии. Редакционная комиссия, заседающая в Париже, продолжает свои работы, и, вероятно, в ближайшем будущем будет вынесена компромиссная резолюция, так или иначе санкционирующая отрыв Манчжурии от Китая. Во всяком случае, французский официоз „Тан“ в недавней передовой статье указывал, что совет Лиги наций „твердо решил не усиливать своего вмешательства“, с тем, чтобы окончательное разрешение манчжур-

нальностей и русские белогвардейцы. Задыхаясь от кризиса и зстоя, стремясь к переделу капиталистических рынков, буржуазия европейских стран склонна поддерживать обострение японо-китайского конфликта. В этом отношении показательны статьи французской финансовой и промышленной печати, авторы которых откровенно изливают свои мечты о возможности наживы на войнах и интервенциях. Газета „Журналь де Гавр“, орган металлургической промышленности Гавра, пишет: „Отбросив в сторону всякие сентиментальные соображения, мы вправе сказать, что война может вернуть нам процветание в результате вызываемого ею роста потребления“.

Эти теоретические рассуждения можно было бы подкрепить конкретными примерами. Недаром недавно в английской палате общин либеральный депутат Мендер запросил Макдональда, известно ли ему, что Япония разместила в Англии заказы на моторы для военных гидродланов. Разумеется, „бестактный“ во-

прос Мендера был замят тут же, и депутату было объяснено, что он „не должен спрашивать, что об этом думает премьер“.

Расширяя зону оккупации, японские милитаристы вместе с тем вводят тяжелый режим в занятых местностях. Улицы оккупированных городов охраняются броневиками. Японские солдаты творят расправы над беззащитным китайским населением Манчжурии, расстреливая людей на улицах по первому подозрению, без всякого разбора дела и суда. Несмотря на строжайшую военную цензуру, введенную японцами, в европейскую печать проникли снимки, иллюстрирующие методы террора, применяемые японскими солдатами в Манчжурии. Прохожие на улицах подвергаются обыскам и всяческим насилиям. Мукденский студент, сделавший помещаемые здесь снимки и

провезший их с опасностью для жизни через зону оккупации, рассказывает в сопроводительном письме об ужасающих сценах разгута японской военщины. Озверевшие солдаты расстреливали на улицах не только мужчин и женщин, но и маленьких детей.

В атмосфере таких репрессий, провокаций и при поддержке высокопоставленных деятелей Лиги наций японский империализм продолжает дело закабаления Манчжурии.

Редко так четко выявлялся когда-либо грабительски-империалистский характер войны, как при вторжении японских оккупационных войск в Манчжурию. С первого момента этого вторжения японский империализм делал ставку на завоевание и разграбление Китая. Ссылка на дело об убийстве Накамуры не что иное, как обычная империалистическая провокация. Надо подчеркнуть роль гоминдановского правительства, которое как в своем кантонском, так и панкинском крыле усматривает врага исключительно в трудовых массах Китая. Гоминдановцы не стесняются принимать меры против революционного движения, удваивать и утраивать их под командой Японии и других империалистических государств. Они неустанно усиливают террор, и вся деятельность Чан Кай-ши указывает, что он и те группы китайской компрадорской буржуазии, помещиков и генералов, которые группируются под знаменем гоминдана, ничего не предпринимали против насилий, творимых японским империализмом. Гоминдановцы распинаются перед японцами, как и перед всеми капиталистами.

Для китайских трудовых масс остается только один выбор, подчеркнутый в новом воззвании китайского центрального советского правительства: „Желаете ли вы под господством гоминдана стать рабами японского империализма? Или вы желаете под руководством советской власти бороться против японского империализма?“

Вопрос о пребывании японских оккупантов в Манчжурии в конечном счете решат не женевские дельцы, не гоминдановские палачи рабочего класса, а дальнейшее развитие пролетарской революции в Китае при максимальной поддержке международного пролетариата.

И японские оккупанты обыскивают прохожих на улицах Мукдена

ского конфликта произошло в результате прямых переговоров между Японией и Китаем.

В соответствии с позицией европейского империализма, во всяком случае благоприятной для японских империалистов, Япония продолжает продвижение своих войск. После занятия Цицикара японские войска развили действия широкого масштаба и повели наступление на Цзинь-чжоу.

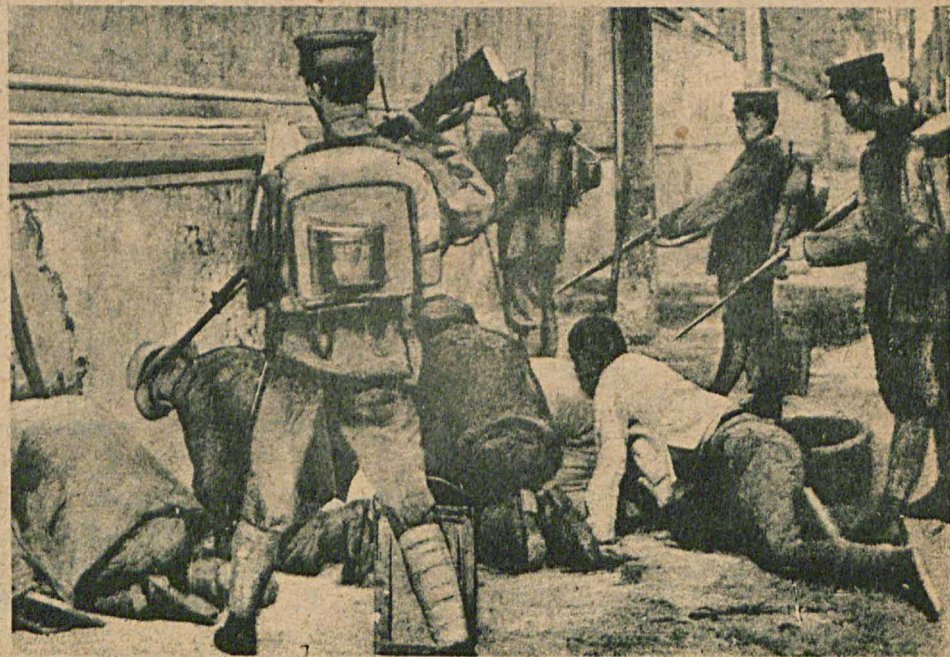
Нено, что новое продвижение японских войск не может не обострить противоречий между империалистами. Так, например, между Англией и Японией ведутся переговоры о Бейпин-Мукденской ж. д. Англия, готовясь захватить себе долю в Китае, принимает меры к защите интересов британского империализма по Бейпин-Мукденской ж. д., в Кайланских угольных коях и др. Во время обсуждения в палате общин вопроса о японо-китайском конфликте английский министр Саймон также открыто поддержал позицию Японии, опираясь на тот довод, что „японцы унаследовали права царской России в части Манчжурии после русско-японской войны“.

Соединенные штаты, также заинтересованные в положении дел в Манчжурии, тем не менее устами министерства иностранных дел высказались против эвакуации японских войск.

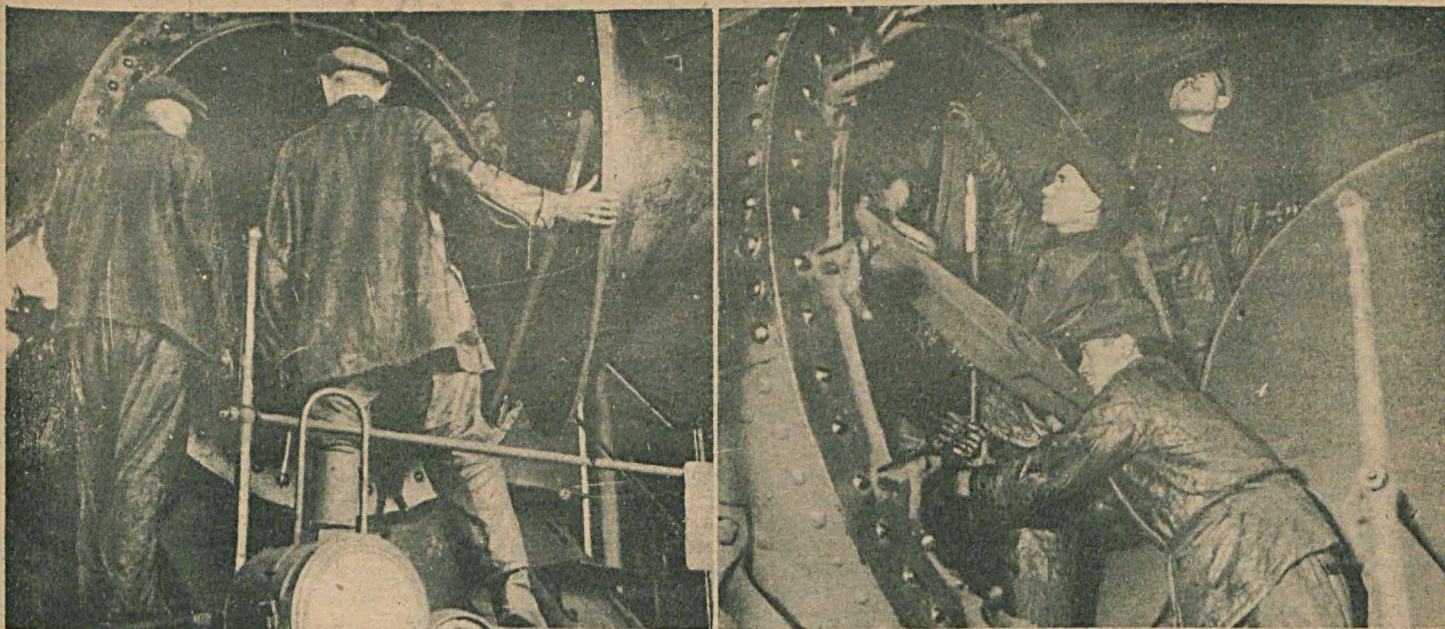
Таким образом, японский империализм развивает наступление в Манчжурии при благоприятном отношении со стороны империалистов различных капиталистических стран.

Нет никаких сомнений в том, что попутно японские империалисты пытались спровоцировать Советский союз, обвиняя наше правительство в том, что оно якобы оказывает поддержку китайскому генералу Ма, оперирующему в Манчжурии, и снабжает его оружием.

Ныне клубок провокации можно считать распутанным. Японская газета „Дайрен Симбу“ поместила разоблачающие данные, со всей очевидностью показывающие, что генерала Ма снабжали оружием японские „сферы“, спекулянты различных нацио-

Под штыками японских солдат. Сцена на улице оккупированного города. Снимок китайского студента

Борются за хвостачный паровоз, за спаренную бригаду, за точное выполнение графика, за экономию топлива и образцовый ремонт паровоза—дело чести каждого железнодорожника. 1 декабря началось всесоюзное соревнование машинистов. 57 ударных паркозов участвуют в соревновании. Социалистическое соревнование лучших спаренных бригад—могучий рычаг за оздоровление паровозного парка. Октябрьский пленум ЦК и прйказ тов. Андреева мобилизуют внимание всей страны и партии вокруг этой боевой и решающей задачи. На с и м к е: ударная бригада за ремонтом паровоза
Фот. М. Озерского (группа РОПФ)

С. Ващенко

Допрос Шакалюка *

В четырехугольной большой хате стоят вдоль стен два стола, возле них длинные скамьи и десяток табуреток. В самой хате обычно обедают колхозники, во второй половине помещается кухня и продовольственный склад. Сейчас необычайные для этой глуши раздаются трели телефонных звонков, связист то и дело хватает трубку и металлически-пронзительно передает приказание начальника штаба дивизии синих. Столы заняты бумагами, папками, картами. Валяются здесь же сброшенные с плеч шинели, кожаные пальто. Стремительно появляется начальник штаба, за ним идет велед суета, люди торопливо проглатывают приказания и шагают наружу.

Сюда привели Шакалюка.

Его усадил напротив себя начальник разведки, заглянул ему в глаза, как бы оценивая, с кем он имеет дело, и в стремительном темпе повел допрос.

Он не надеялся, что сидящий перед ним красноармеец ему что-нибудь скажет. «Какого чорта он будет откровенничать, если страха смерти нет,—думал Скачков.—Ничем же не рискуешь. Держись героем, все равно не опасно». Поэтому его интересовала воспитательная сторона и «психологическая», как говорил он. Степень находчивости, сообразительность, сметка. Он уже четвертого допрашивает сегодня. Двое по роли такую остроумную чепуху, что присутствующие при допросе покачивались со смеху. Третий явно бравировал, держал себя героем, все время напыщенно подчеркивал, что он «лучше подойдет», чем скажет что-нибудь. Открыл только свою фамилию, и точка. Пишите в газету! Трубите на всех перекрестках! А потом, когда порылись в его карманах, нашли замусоленную печатную полковую многотиражку. В одной из заметок как раз и говорилось

о товарище **Пряжкеве**, никчемном стрелке, плохом общественике и бузотере.

«Вот какой герой!»—подумал Скачков и сейчас же отпустил пленного на все четыре стороны.

Теперь перед ним сидит четвертый. Тщедушный, застенчивый и вялый паренек. Он неловко приткнулся на кончике табуретки и опустил глаза вниз. Это равнодушные воскресает надежды Николая Ивановича. Может быть, хоть этот что-нибудь скажет. Он решает обрушиться на него лавиной слов, запугать, сбить. В конце концов командир должен же уметь примениться к каждому положению. Он полагает, что этого усталого, полусонного парня легче всего взять психологией.

— Значит, говорите, двадцатый полк собирается переправляться у Кудашева, приступил к наводке понтонного моста?—начал он забрасывать словами, уткнувшись подбородком в кулаки, как это делают классические прокуроры.—Отход полнейший. Совершенно верно, отход полнейший.—Николай Иванович рывком раскрыл карту, сурово взглянул в нее, как бы читая по ней, и снова возрился на пленного.—А вы что же, дорогой товарищ, попались в разведке! Зашлепали! Ехали с поручением, и точка. Бывает! Говорите, положение вашего полка безнадёжно...

— Так это вы говорите, а не я,—подал реплику Шакалюк.

— А разве вы не говорили? Вы, дорогой, не увильвайте. Мехчасть вас не поддержала. Не так ли? С этими механическими частями всякие истории случаются, то ломаются машины, то горячего нет. Бывают трудные положения. Где же это мехчасть застряли, а? Что же это они...

В глазах пленного мелькнула неприметная улыбка.

— Техника великое дело. Поддержки вас техника, вы бы нам насыпали. Не сумели вы использовать технику. Сколько ее на

вашей стороне? Наверно слышали. Разговор велся? А? Да вы не стесняйтесь. Закуривайте, товарищ. Вот допрошу, обедом накормим, сегодня что-то вкусное у нас готовят. Давайте отделеаемся, и за еду. Курите и рассказывайте.

— Полка... двадцатого,—макает он ручку в чернильницу.

— Если хотите—пишите...

— Эскадрона?

— Третьего.

— Ехали откуда?

— С востока.

— Точнее?

— С восхода солнца.

— Куда?

— На запад.

— Точнее?

— В сторону запада.

— Так. Социальное положение?

— Рабочий.

— В партии?

— Кандидат.

— Как фамилия командира полка?

— Это не обязательно.

— Командира эскадрона?

— Говорю, не обязательно.

— Зарядили «не обязательно». Говорю, обедать пора. Есть хотите?

— Хочу.

— Ну, так выкладывайте все. Каково задание полка, куда двигаетесь?

— Не знаю. Откуда мне знать планы?

— Вот это плохо. Это плохо. Как же это вы так? Должно быть, не ударник. Не интересующийся, так сказать. Обез. Отсталость. У нас каждый красноармеец должен осмысливать всю операцию. Что же вы, дорогой, так отстали? Не ожидал!

Быстрым шагом в хату вошел командир дивизии, вернувшийся с командного пункта, за ним начальник штаба. Командир на ходу говорил:

— ... кулак подготовить на правом фланге. Немедленно прикажите двум эскадронам

* Полностью вещь печатается в № 11 журнала «Локаф».

нам первого полка и третьему полку подтянуться к лесу. Там накапливаться...

— Слушаюсь. А высотка 93,4?

— Не думаю. Оттуда нам ничто не угрожает. Самолеты не обнаружили мехчастен. Возможно, что их нет в этом районе или есть разрозненные машины. Пленный?

— Так точно, товарищ командир дивизии!—вытнулся начальник разведки.—Доставлен из второго полка. Сведений не сообщает. Известно только—красноармеец двадцатого полка. Двадцатый полк идет в авангарде. Все, что мог узнать. Разрешите продолжать допрос?

— Продолжайте! Андрей Андреич, — повернулся комдив к начальнику штаба.—Поручили ли вы расследовать этот случай с разведкой? Два дня люди болтались невежливо где. Что же это за связи!

— Так точно. Десять суток ареста начальнику разведки.

На Шакалюка напряженная обстановка действовала сильнее, чем все допросы. Он почувствовал стальной холодок в распоряжениях комдива. Связист, принимающий сообщения, без передышки работал, как машина. Записывал, кричал в трубку, докладывал. На его лице проступал пот. А тут еще за стеной потрескивали пулеметы и несся оружейный гул. Шакалюку предсказывалась ответственность, какая лежит на комдиве, на начальнике штаба, на связисте. Его взволновала эта работа. Он почти не слышал, что говорит начальник разведки. Показался смешным весь этот допрос, все попытки так или иначе обвести его, бить, вызвать что-нибудь. Главное не в этой игре, которую вели они с начальником разведки. Главное, в этой задаче, ради которой совершается боевая учеба. Неужели так близка война? Опасность ему кажется сейчас столь опутимой, что он невольно еще раз оглядел людей, как бы по их лицам желая убедиться, что это разыгралось его воображение. Но лицо командира дивизии было напряжено, он бросил несколько слов и двинулся к двери. Начальник штаба поспежал за ним, ловя на ходу приказание. Его лицо было столь же серьезно. Серьезно лицо связиста. И даже допрашивающий его начальник разведки казался человеком, занятым ответственным делом, хотя он его и разыгрывал, как в театре.

И он, Шакалюк, играл. Он бравировал своей ролью, пользуясь безнаказанностью. Комдив видел смерть в лицо. На груди у него два ордена. Начальник штаба глядел в глаза смерти. Начальник разведки... может быть, он тоже. Ему представились лица знакомых командиров, он подумал о своем командире полка, о командирах своего полка. Подумал о Ворошилове, о Буденном, о Якире.

Что может предвидеть он, Шакалюк?

Десять дней тому назад он назначен командиром отделения. Он втайне очень гордился этим, считал, что вполне правильно выделили его. Два треугольника, вдетые в петлицу, доставляли ему удовольствие как знак новой роли. Но сейчас ему становится не по себе от своей вчерашней гордости. Повторилась та же история, что и на

заводе. Он заботился о своем первенстве и забыл о своем производстве.

Завтра про шумит война и всех провирит. Чорт возьми, пушки бьют, как в настоящей войне! (А как они там будут бить?) Пулеметы назойливо трещат, как будто действительно бьют боевыми патронами по самолету врага. (А как они там будут бить?) Пилетет за окном конный полк.

Он еще не готов.

Он еще не все понял. Он должен об этом еще поговорить с командиром. Поставить вопрос на ячейке. Точка.

— Давайте сумку!—протягивает руку начальник разведки.—Выкладывайте содержимое.

Шакалюк послушно опораживает сумку. — Ага, книги. Пойдите, пойдите. Да вы, оказывается, одиннадцатого полка. Командир подсказывает к начальнику штаба, только что спать появившемуся в хате, и докладывает:

— Разрешите, товарищ начальник штаба. Пленный оказался красноармейцем одиннадцатого полка.

— Так, так, очень хорошо. Одиннадцатого!—отмечает на карте начальник штаба.

Скачков продолжает рассматривать содержимое сумки. Его лицо вдруг потускнело, он растерянно глядит на пленного:

— Да какого же вы, наконец, полка? На этой книге указан десятый полк. Ничего не понимаю!

Он снова подходит к начальнику штаба и смущенно докладывает, что ориентировка может быть не верна, полк точно не выяснен.

— Совсем запутались!—иронически замечает начальник штаба.

Скачков растерянно кивает головой на пленного, как бы говоря: „из него чорт выжмет“. Шакалюк скромно сидит на кончике табуретки. Ему хочется есть. Спросить он не решается. Если бы он был просто красноармеец другого полка, случайно приставший, другое дело. Но пленный... Это настраивает его на особый лад, что-то отчуждает его от синих, он даже и сам не может разобраться, откуда появляется эта неловкость. Ему приходит в голову случай, который произошел третьего дня. При отступлении из деревни Отара красные соорудили с помощью крестьян поперек дороги баррикады. Навалили телеги, бревна, чтобы преградить путь синим. При отъезде один из командиров, усмехнувшись, крикнул крестьянам:

— Смотрите, не помогайте синим разбегаться.

Конный отряд синих скоро подошел к деревне. Перед баррикадой приостановились.

Здесь же стояли кучкой крестьяне.

— Разберите, друзья. Проехать надо. Ну-ка!—крикнул командир.

Крестьяне не двинулись с места.

— Да ну!—торопит командир.—Быстренько, раз-два! Помогите, чего стоите!

Толпа вдруг потянулась назад и маршмарш за хаты. Рассыпалась в один миг.

— Куда? Эй, эй, куда? Что же это они—за французов нас принимают? Эй, товарищи!..

Никто не вернулся. Пришлось спешивать и самим разбирать баррикаду...

Он припоминает другой случай. Красные отступили к городку Бранилову. Отряд синих, переправлявшийся через реку у западной окраины, был встречен ожесточенным огнем трех пулеметов и трехсот винтовок. Стрелили рабочие сахарного завода—с крыши, из окон, из всех щелей большого здания, вышедшего, как цитадель, на крутом берегу. Синие не могли одолеть переправы...

Связист, оторвавшись от телефона, встал и доложил начальнику штаба:

— Разрешите... По донесениям боевого охранения третьего полка в направлении на высоту 93,4 с запада движется большая колонна танков...

Начальник штаба уставился на карту. Его лицо выражало крайнее недоумение.

— Этого не может быть!—сказал он обращаясь к начальнику оперативного отдела. Никаких мехчастей в том направлении не может быть. Путаница.

— Связист, проверьте еще раз!

Связист прильнул к телефонной трубке.

— Ерунда!—морщился начальник штаба. Пяток штабных машин они приняли за танки.

Он резко помотал сложенной картой перед собой.

— Ерунда!

Связист опять поднялся и бесстрастно доложил:

— Разрешите... Сведения подтверждаются. Густая колонна танков движется в нашем направлении.

— Сообщить немедленно на командный пункт!—закричал начальник штаба так громко и тревожно, что Шакалюк невольно поднялся со стула и холодок прошел по спине...—Затем двум эскадронам третьего полка немедленно перебраться к высоте 93,4; окопаться восточнее ее. Пулеметные тачанки туда же немедленно. Я еду на командный пункт...

Он шагнул к двери. На улице был слышен его зычный голос:

...—какого дьявола он там торчит? Немедленно, немедленно...

Взвывла голосисто машина, простонала и укатила.

Начальник разведки тоже вдруг исчез, оставив Шакалюка на попечение конвойного. Они вышли вместе с ним из штаба во двор, Шакалюк взглянул на своего коня, тот мирно жевал сено вместе со штабными лошадьми.

— Нет ли у тебя чего-нибудь пошамать?—спросил Шакалюк у конвойного.

— Как раз есть. Подожди-ка, я тебе достану.—Он вытаскил из кармана кусок белой булки и протянул пленному.

Шакалюк присел у глиняного забора и стал жевать.

В деревне нарастало движение. За забором, по улице на рысях проходила конница. Ее не было видно и потому казалось, что это хлещет ливень. Затем промчались тачанки. Низко пролетел над землей тяжелый самолет.

Все это устремлялось навстречу вежливо откуда появившимся танкам.

В 1932 году подписчики журналов „Огонек“ и „Рост“ получают приложениям 24 иллюстрированные книги произведений мировой художественной литературы, под редакцией М. ГОРЬКОГО и А. ВИНОГРАДОВА: „История молодого человека XIX столетия“.

В эту библиотеку войдут произведения: СТЕНДАЛЯ, БЕННИ КОНСТАНА, ШАТОБРИАНА, ФОСКОЛО, ВАЛЕРА, ГЕТЕ, БАЛЬЗАНА, МЮССЕ, СЕНЬЕВИЧА, БУРЖЕ, БУЛЬВЕР-ЛИТТОНА, ЛЕРМОНТОВА, ТУРГЕНЕВА, ПОМЯЛОВСКОГО, СЛЕПЦОВА.

Издание будет иллюстрировано лучшими художниками-графиками.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: „ОГОНЕК“ (выходит три раза в месяц) с приложениям 24 книг „История молодого человека XIX столетия“—год 19 р.

„РОСТ“ (выходит два раза в месяц, с приложениям 24 книг „История молодого человека XIX столетия“—19 р.

Допускается расрочная и 1/II, 1/III, 1/V, 1/VII—по 4 р. 75 к.

Всем подписчикам, уплатившим все взносы полностью, бесплатная премия—иллюстрированный альбом „МОСКВА“. Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока.

ГЕРОЙ МАЛОГО ЦЕХА

ОЧЕРК А. ШЕЙНДЛИНА

литударник „Огонька“

Много усилий надо затратить, чтобы сосредоточиться, чтобы призвать к дисциплине размякшие мускулы. В цех со двора долетают хриповатые голоса подвозчиков, скрип вагонеток. В раскрытые ворота, в сетчатые окна полыхает солнечный жар.

В такие дни несчастных случаев на производстве бывает больше всего. Нервы и мускулы не могут сопротивляться невидимым опасностям, притаившимся в обыкновенном молотке ящичника, в шурчащем змее трансмиссий или в пилах циркуляра, что голубыми зубастыми зверьками поют в соседнем риделочном цехе.

Незадолго до обеденного звонка по цеху промчалось, вернее — прошелестело, одно слово: „несчастье!“

Каждое лицо — вопросительный знак, каждый глаз тревога.

А в раскрытые ворота завода, покачивая лакированными боками, тревожа скрывающимися крестиками, уже везжала машина. Двое хладнокровных людей в белых, точно саваны, халатах вывели из цеха под руки лучшего ударника — циркулярщика Арнаутова. Обычно смуглое от загара лицо его было бледно. Рука Арнаутова была обернута каким-то безобразным клубком, сквозь который проступили яркие пятна. Сухо захлопнулась дверца, и карета стрелой помчалась по пустыному переулку. Толпа почти не шевелилась.

— Три пальца — как бритвой, — наконец сказал молодой циркулярщик в голубой майке. — Я рядом работаю, ну и он, как всегда, сует доски в пилу, не утонишься за ним. Пилы, того и не гляди, укусят, такая кровожадная на работа, а тут еще жарынь такая. Амба руке! Пальчики так и лежат на станке.

— И чего это ученые наши не придумают ничего? Такая машина сама работает, токарная — тоже, а мы мучайся!

Слушал Иван Дмитрич такие слова, и крутая морщинка легла на лбу старого механика. Тихо, как бы про себя, он сказал:

— Эх, мне бы силу, мне бы науку, сделал бы машину.

С того памятного случая изменился механик Дмитрич, сделался задумчивым и рассеянным. Рассказывали: зайдет в контору и, вместо Давыдова, обращается к Сеньке Васильеву, счетоводу.

— Товарищ заведующий, надо сделать то-то и то-то. — Дружный смех приводит его в себя, смеется и сам Дмитрич своему промаху.

— Стар сделался, седьмой десяток пошел, а тут еще мысль одна покою не дает.

Но что за мысль, Дмитрич никому не говорил. Мы только могли догадываться: что-то придумывает старик. Это никого особенно не удвигало. Мы привыкли к тому, что Дмитрич всегда что-нибудь да придумывает. Десятки и сотни улучшений придумал механик на заводе, и все это как-то тихо, без шума, без многолюдных совещаний. Сложных машин он не изобретал и не думал об этом — чертежей не

знал, а тут видим, серьезное что-то втемянилось в голову Дмитрича.

Уж осень повисла кленовой позолотой, уже седая пелена дождей и туманов пронизывает по утрам, уже седеют трамвайные мачты и костенев первым серебром грязь у заводских ворот, а Дмитрич все возится в своей механической, тащит туда ржавые части машин, подобранные в хлам под навесом.

Скоро семь часов. Только-только начинает светать. Появляются первые рабочие; одни, потирая руки, идут в курилку, дру-

Герой малого цеха. Иван Дмитриевич Дмитриев, механик Остроковского ящичного завода (Москва)

гне — прямо к своим циркуляркам и фрезерам: осмотреть, смазать, чтобы потом не волынить, как было раньше, когда станки и люди были обезличены. Комсомолец Носков, худощавый, остроносый парень, как всегда бодро и размашисто идет к своему станку. Вот уже виднеется его циркулярка, первая справа, та, на которой потерял пальцы Арнаутов. Не дойдя десятка шагов, Носков растерянно останавливается, протирает глаза и громко орет:

— Слуцкий, беги сюда, скорее, чорт побери!

— Ты что с ума спятил или не выспался?

— Да, нет же. Ты смотри, что вместо моего станка нагорело.

Слуцкий обернулся и тоже застыл от удивления.

— Постой, Носков! Давай посмотрим, не вредительство ли.

За ночь произошло какое-то чудо. Вместо обычной круглой пилы, было нагоро-

жено неразбери что. Наспех сделанная загородка окружала машину, мало похожую на циркулярку. „Не пошутит ли кто?“ — все сомневался Носков, опусывая колена и винты, на которых виден был грубый след напильника. Приоткрыл сверху металлический колпак и ахнул.

— Циркулярка ведь это. Видишь пилы, да не одна, а три. Верно, заграничная.

Машину окружили другие мастера, тоже удивлялись, шути жалели Носкова.

— Как же ты работать будешь на этой штуковине?

Только когда прозвенел звонок, отошли рабочие от диковинного станка. До обеда молчал станок. В перерыв никто обедать не шел, а все чего-то ждали. Наконец появились председатель бригады Михайлов, заведующий и молодой техник. Позади всех, никем не замеченный шел Дмитриев задумчивый и серьезный. С сухим треском падает на пол разбираемая загородка. Люди внимательно осматривают металлическое тело станка, трогают каждую часть.

— Ну, батенька, ежели машина пойдет, то это революция в лесопильном деле, — говорил техник, неизвестно к кому обращаясь.

Медленно тинутся минуты.

— Теперь начнем.

Михайлов протягивает руку к рубильнику. Завыл мотор, набирая высокие ноты. В гул мотора, нарастал и ширясь, влился другой бодрый и мощный лязг и шум, никогда не слышанный цехами завода. Машина зашевелилась. Точно худая жилистая рука человека, колочатый стержень с лопаткой на конце быстро и решительно начал выбрасываться к пилам, почти касаясь посвистывающих жутких кругов. К лопатке подбросили короткую широкую доску. Визгнули пилы, и по ту сторону выбросились три ровненькие смолистые планки. Во второй раз качнулась лопатка: новых три планки выскочили из-под пилы. Если бы не было мерного шума станка, была бы такая тишина, какая бывает только в глухом каменном склепе. Люди вытянули шеи, застыли, дыхание притаилось где-то внутри у каждого.

Одну за другой выбрасывают пилы планки. Никто не замечает, как они золотистой грудой завалили станок и с сухим стуком начали ссыпаться на пол, к ногам мастеров, задевая, как бы шути, их опущенные руки. А станок стучит, пилы звенят, ремень шуршит, и металлические пальцы машины сами бесстрашно и уверенно толкают в пилы материал.

Громко и восторженно крикнул молодой техник:

— Иван Дмитриевич, ваше изобретение имеет большую ценность. Станок выдержал во, на большой палец. Слышите, на большой, говорю.

Открытые улыбкой зубы и радостный выкрик техника разрядили напряжение. Покрывая грохот станка, вскинулся к высокому потолку цеха радостный всплеск сотни рабочих голосов.

— Го-го, Дмитрич! Качай Дмитрича! Молодец старик!

От этого крика дружно стекла. Металлом загудели старые просохшие стены цеха и воробьиные стаи, что приютились под стропилами, закружились над трансмиссиями, вспугнутые этим новым и радостным, что появилось у нас на заводе.

Почти касаясь низкого дверного косяка, мы вошли в темный коридорчик, потом в кухню с чистым, только что вымытым полом.

— Ивана Дмитрича можно? — начал Оганесов. — Если занят, не надо. Мы в другой раз.

Я с тревогой видел, каким робким вдруг сделался наш неукротимый комсомольский секретарь Оганесов. Не смотается ли?

Пожилая женщина, что стояла у гудящего примуса, показала на открытую дверь.

— Отец дома, заходите.

Мы сидим перед Иваном Дмитричем и не знаем с чего начать. Мы прямо из цеха, в замасленных спецовках, с темными от гвоздей руками. Конечно, мы пришли по делу, по очень важному делу.

Была тигостная тишина. Мы всегда обращались к механику только по вопросам производства, а тут такое дело!

— Мы знаем, Иван Дмитриевич. Вы не любите говорить о своей личной жизни. Но вы лучший наш ударник, герой завода. О вашей жизни, о вашем опыте должны знать все рабочие. Короче — о вас надо написать.

Механик откинулся в добром старческом смехе.

— Я сам давеча хотел писать, да не вышло. Первое слово пока напишу, второе забуду. Только не о себе. Что обо мне писать — вот о заводе, о машинах надо. Много сказать надо.

— Иван Дмитрич, вам предлагали работу на других заводах, на гигантах, вы не шли. Что вас держит здесь, на „островке“, на маленьком заводе? Ведь из-за технической отсталости чурочниками зовут нас все.

Дмитрич отвечал серьезно.

— Да, ребята. Наш завод очень мал по сравнению с другими, но вы поймите, сколько труда, сколько тревоги мы затратили, пока его восстановили. В технике мы еще слабы, это верно. Только „чурочниками“ нас не называй. Как бы обогнали другие фабрики без нашей тары? И люблю эти машины, улучшаю их. Вот станок изобрел, чувствую, что именно здесь я нужен больше, чем всюду. И думаю так, — продолжал Дмитрич, — весь наш Советский союз — это один огромный завод из многих цехов. Там, где хорошие машины, хорошие ударники, — и работа идет по-ударному, план выполняется. Малым цехам республики — таким, как мы, — надо также не отставать от гигантов. Нам это труднее, — значит, ударники у нас такие должны быть, которые ничего не пожалеют для производства, которые любят его. Разве таких сманишь отсюда деньгами? Я ударник малого цеха.

— Герой малого цеха, — тихо поправил Оганесов.

В залпывшее окно квартирки уже гляделся вечер, долетал пругаженный шум завода. Часто мимо окна мелькали тени груженых вагонеток, громящихся на повороте. Слышались креникие голоса подвожников. В комнате полутьма.

На письменном столике Ивана Дмитрича я вижу портрет Ленина и почетную грамоту ударника: „...награждает товарища Дмитриева, Ивана Дмитриевича, почетным званием ударника третьего года, пятилетки, строителя социализма, активно проявившего себя в социалистическом соревновании по повышению производительности труда“.

Эту грамоту поднесли Дмитричу на вчераше его премировании. В переполненном рабочими красном уголке шла кинокартина „Путь изобретателя“. Потом Михайлов подробно говорил об изобретении Дмитрича, о значении изобретательства вообще и о многом другом. Особенно заинтересовало рабочих прочитанное Михай-

ловым письмо пензенской оцепктивной факрики, узнавшей об изобретении и просившей выслать чертежи. Выступали молодые энтузиасты и старые кадровики-ударники, требовали немедленно разослать чертежи всем лесозаводам Союза, требовали награждения механика орденом Трудового красного знамени и званием героя труда. Пензетовые хлопки потрясали стены клуба, когда Дмитриеву выдавали почетную грамоту и часть премии за изобретения. И вот теперь в полутемной комнатке, как на экране, перед нами проходила интересная жизнь механика. Он взволнован. Он часто гладит свои серебряные волосы, вспоминающие прорезают морщинки у голубоватых глаз. Он почти не говорит о своей жизни вне производства, вне рабочей среды. Когда мы спросили об этом, Дмитрич удивленно поднял брови.

— Это и есть моя жизнь. Сорок шесть лет я тесно связан с производством, с машинами. Вне производства у меня, кажись, ничего интересного и нет. — В конце нашей беседы, когда в синеватой тьме еле различимы предметы и лица, Дмитрич поведal нам свою самую затаенную мечту.

— Вот ребята, я работаю здесь, хочу как бы лучше, как бы быстрее, бьюсь над изобретениями, а вдруг окажется, что то, над чем я корил, уже применяется на других заводах. Я слышал, что в Ленинграде есть такой лесозавод, где все до самых мелочей делается машинами. Выходит, что такие заводы-малыши, как наш, работают втемную. Мы не создаем тайн, как раньше делали хозяйчики, а как-то сами мало интересуемся передачей социалистического опыта. Давно просился я у хозяйственников: отпустите в экскурсию, посмотрю, как у других, да вот пока с прорывом не справимся. — Дмитрич печально развел руками.

Мы пообещали помочь осуществлению его мечты. Герой малого цеха должен пережить опыт больших цехов республики.

Н. Равич

1

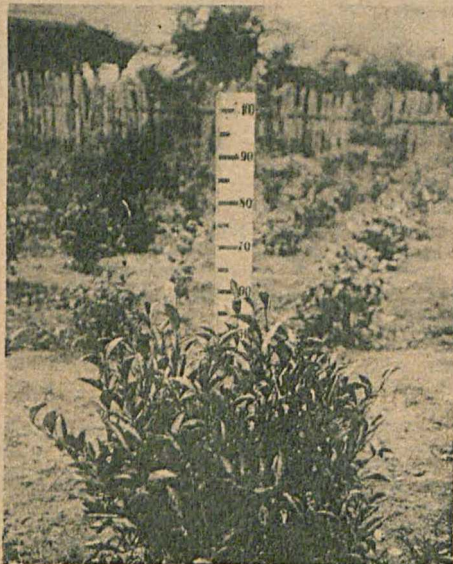
От Батума до Чаквы 16 километров. Начиная от Зеленого мыса, автомобиль несется по дороге, сжатой с двух сторон густыми чадами зелени. Пальмовник, пальмы, акации, переплетаясь друг с другом, зеленым навесом прикрывают дорогу от солнца. Неожиданно начинается сплошной лес бамбука. Потом дорога ползет вверх, и вы везжаете в царство совершенно фантастических растений, — это территории ботанического сада. Мимо нас несутся карликовые деревья, японские мостики, беседки, водяные лилии, плавающие в бассейнах, мелькают апельсиновые и лимонные деревья. Машина идет полным ходом по широкой дороге, окаймленной бесконечной шеренгой пальм; вдали высятся разбросанные фабричные здания. Открывается исчезающая вдали перспектива ровно подстриженных, на равном расстоянии друг от друга расположенных одинаковых чайных кустов.

На зеленом ковре, не имеющем ни начала ни конца, покрытом геометрически правильным рисунком межей, разбросано бесконечное количество белых лепестков. Это расцветают чайные кусты, наполняя своеобразным ароматом воздух.

Машина продолжает нестись по дороге, то ползущей вверх по холмам, то спускающейся в долины, но и холмы, и долины покрыты той же зеленой одеждой чайных кустов. Полеминому вы начинаете

ЧАКВА

различать сотни людей, работающих на плантациях. Эта работа не прерывается почти круглый год. Пять раз в год собирают урожай: в апреле, мае, июне, июле,

Чайный куст

в августе. С октября собирают семена. В феврале подрезают кусты. Но это еще не все. Два раза в год занимаются пере-

кошкой, три раза тохойкой. И все-таки чайный куст может погибнуть. Он может погибнуть от неумелой подрезки, от переноса сока, от неожиданных заморозков, от вредителей. Или, разрастаясь, он может оказаться пустым, т. е. листья его не будут давать никакого урожая.

Качество чая стоит в прямой зависимости от тщательности его обработки. В 1911 г. удельное ведомство, которое было пионером по чайной культуре в Закавказье, организовало выставку „Русской Ривьеры“. В павильонах, выстроенных в витиевато-надуманном славянском стиле, хорошенькие барышни угощали чаем в чашках с гербами императорского фарфорового завода. Все было замечательно, кроме чая. Чай был плохой. А в соседних павильонах частные садовладельцы угощали своим чаем — и чай был превосходный.

Военное ведомство, совместно с министерством земледелия, захватило все чайные плантации и предписало создать единый сорт чая — мещанку. Обработка чайных плантаций становилась все хуже, стоимость ее стала выше цен, установленных на чай, плантаторы стали переходить на другие культуры, и советская власть получила плантации в совершенно запущенном и непригодном виде.

2

Нас встречает маленькая смуглая от загара женщина в больших сапогах. Ее фамилия Нацынова, она — агроном и работает

на чайных плантациях уже несколько лет. Мы вылезаем из машины и отправляемся на плантации. Уже по дороге иногда накрапывал дождь. Странный дождь. Несколько минут подряд падала влага крупными и редкими каплями. Потом переставала падать. Шофер, знаток здешних мест, бросился поднимать верх, приговаривая, что „сейчас полетит“. И действительно, пошло так, что через несколько минут вся почва превратилась в грязное набухшее месиво, мокрая одежда отяжелела и прилипла к телу. Лицо нельзя было спрятать от косого дождя. Между тем, маленькая женщина, прыгая в своих огромных сапогах через лужи, продолжала разговаривать, как будто она гуляла в солнечный день по бульвару.

— В этом году,—говорит она,—мы собрали только первые три сбора. В общем около 116.000 кг. чая, все остальное пойдет на семена, на расширение чайных плантаций. К 1 июня 1932 г. мы будем иметь еще 60 гектаров новой площади.

Я вспомнил и рассказал ей о своей поездке в Чакву в 1926 г. Меня удивило не только состояние плантации, но даже изменившийся рельеф местности.

— Еще бы,—отвечает она,—ведь тогда не было ни одного из этих зданий: ни здания управления, ни новой фабрики, ни общежитий для рабочих. Многое еще только достраивается. Вот смотрите. И она указывает на огромное здание еще в лесах. Там будет клуб, центральная столовая, фабком, ячейка.

„Вот так клуб“,—думаю я. Действительно, размеры его поражали своей величиной.

Мы отправляемся на фабрику, здание которой возвышается над окружающей местностью, и идем по длинной дороге, с обеих сторон которой тянутся общежития рабочих.

3

Только что выстроенная фабрика сияет своей чистотой и поражает сильным запахом чая. Вдали виднеется старое здание фабрики, где будут выделять исключительно кирпичный, прессованный чай. Пропускная способность новой фабрики втрое больше—1.200.000 кг. против 400.000 кг., перерабатывавшихся старой. Труд на фабрике механизирован. Поэтому рабочих всего пятьдесят человек.

Собранные чайные листья в мешках подвозятся к фабрике. По огромной трубе они поднимаются вверх и через специальные отверстия попадают в машины, которые разминают эти листья. Затем они располагаются на длинных полотняных полках, где вянут в течение определенного времени. Далее идет сортировка зеленых листьев, потом ферментация в специальном зале с определенной температурой. Оттуда чайные листья идут в сложные машины, которые их сушат, сортируют, передают в другие машины, и в итоге, в бесперывно движущиеся ящики с обозначенными сортами и названиями высыпается соответствующий им чай.

Очень интересен процесс дегустации. Дегустационное бюро получает не только все сорта чая, вырабатываемого у нас, но и образцы всех китайских, цейлонских и явайских чаев. Для дегустации берут миниатюрный чайник, куда насыпается чай до определенной черты, завариваемый водой одних и тех же свойств. Качество чая определяется по цвету, запаху и вкусу.

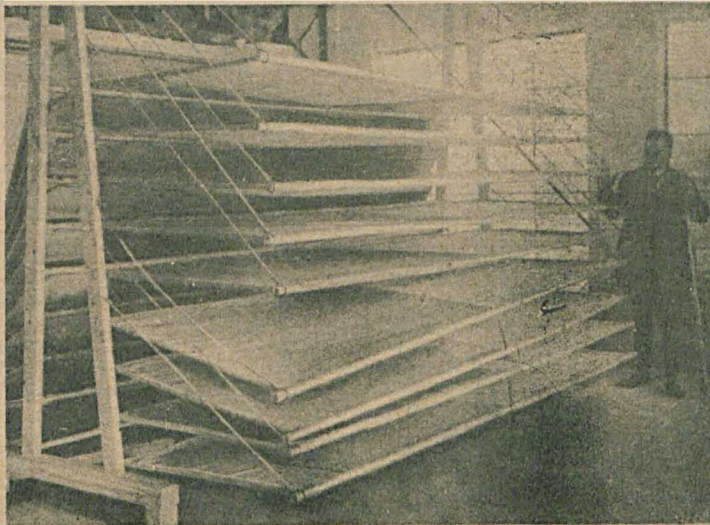
Из шести сортов нашего чая—первая категория высшего сорта значительно пре-

вышает по качеству лучшие китайские чаи.

4

Огромное дело чайной промышленности, перед которой стоит задача сэкономить стране значительное количество валюты, расходуемой на закупку чая за границей, страдает многими недостатками. Эти недостатки целиком отражаются на Чакве.

Прежде всего самый совхоз Чаква охватывает не только чайную культуру, но и культуру цитрусовых (лимоны, мандарины), имеет бамбуковые плантации и торговый питомник. Таким образом, руководство совхоза разбрасывается между различными задачами. Самое главное—это подчинение отдельных процессов производства чая различным инстанциям. На одной территории чаквинского совхоза несколько равноправных хозяйств. Совхоз Чаква с его

Полотняные полки, на которых вянут листья

плантациями подчинен Совхозтресту, чайная фабрика—Чайпрому, строительство и целый ряд работ, связанных с расширением чайных культур,—Чайстрою. Кроме этого есть, так сказать, всесоюзный хозяин—Союзчай.

Самая важная часть работы—научно-экспериментальная—выделена в специальный институт, и хотя она находится на территории Чаквы, но едва ли в данных условиях ее работа может носить практически-прикладной характер по отношению к работе совхоза.

Между тем, это один из самых важных вопросов—поставить метеорологическую службу и научно-экспериментальную работу на обслуживание каждодневной практики чаквинского совхоза.

Но для этого нужно привести всю территорию Чаквы к подчинению единому руководству.

5

Самое удивительное разделение энтузиастов, какое можно придумать, имеется в Чакве. Там есть чайные энтузиасты и цитрусовые. Представители каждой группы энтузиастов глубоко убеждены, что, несмотря на преимущества культуры, которой они занимаются, все делается во вред им и на пользу энтузиастов другого лагеря. Неутомимая Пацынова в своих больших сапогах привела меня, измокшего и уже безразличного от усталости, к Упеннику, цитрусовый энтузиаст которого произвел на меня ошеломляющее впечатление.

Что может вызывать большее уважение к человеку, чем любовь к делу, которым он занимается?

Самое поразительное в цитрусовых культурах—это кривая урожайности. В данных,

которые Упенник привел за 20 лет, нет ни какой постепенности развития. Объясняется это тем, что, помимо качества ухода, цитрусовые культуры полностью зависят от метеорологических условий. Борьба с заморозками, с холодными морскими ветрами и с изменчивостью температуры—основной вопрос в этих культурах.

Американцы, помимо окультуривания и специальных насаждений, оберегающих лимонные, апельсиновые и мандариновые деревья от холодных ветров, делают просто,—они их отапливают. На каждый га ставят по двести обыкновенных железных печек. Мы значительно отстали в этой области и почему-то считаем, что с „погодой“ бороться нельзя. Но, кроме этого, здесь имеет место и сложившееся годами предрассудение, что лимоны и мандарины не могут расти в нашей стране.

Таким скептикам надо бы посмотреть на одно дерево, которое нам показывали: на нем было 3.500 мандаринов.

6

Большим местом Чаквы является материально-бытовое положение рабочих и научно-технических работников.

Одной из причин низкого качества чайной культуры до революции было пользование наемной случайной рабочей силой—сезонниками для обработки плантаций. Уход за чайным кустом, сбор семян и урожай требуют большого опыта.

Теперь постепенно образуются стабильные рабочие кадры. Но для этого нужно проделать огромную работу по созданию материально-бытовых и культурных условий для рабочих. Хотя в этом направлении идет большая работа, но положение рабочих ни в какой степени

нельзя считать удовлетворительным. Барак плохо обставлен, не отапливается, не приспособлен к специфическим условиям чаквинского климата. Снабжение продуктами питания и спецодеждой слабое. Если сравнить положение рабочих на любом производстве аналогичного порядка, не говоря уже о наших гигантах промышленности или сельского хозяйства, то надо признать чаквинские условия неудовлетворительными.

Еще хуже положение научно-технического персонала. При заработной плате в полтораста-двести в среднем рублей, при отсутствии пайка, удобных жилищ, отдаленности от культурных центров, плохом снабжении литературой и аппаратурой, в малярийных климатических условиях нужно быть подлинными героями, чтобы работать так, как работают научные работники в Чакве. Чаеуправление дошло до таких геркулесовых столбов глупости, что людям, которые делают чай, которые живут среди чайных плантаций, уже несколько месяцев не выдают даже чай.

И вместе с тем, когда видишь, как скалозочно расширяется территория плантации, с каким замечательным упорством улучшают качество чая, какой энтузиаст наполняет молодежь, взывшую штурмом этот район—комсомольцев на плантациях, молодых агрономов и техников, ударников-садоводов, то приходишь к убеждению, что может быть именно в этой долине, славенной морем и горами, на бесконечном зеленом пространстве, усыпанном белыми цветами, поется самый героический гимн труду.

Н. Равич

Чаква—Батум

9

Шарлоттенбург — район буржуазно-феодално-буржуазного Берлина. Там, на залитых огнями улицах, в удобных домах, в комфортабельных квартирах живут сливки господствующих классов.

Но есть и другой Шарлоттенбург—с пролетарскими кварталами, с домами, набитыми сверху донизу берлинской беднотой, с колодцеобразными дворами, где на веревках развешено рваное белье, где бегают ребятишки, дыша смрадом и копотью.

Именно в этом Шарлоттенбурге, на Геббельштрассе № 20, имеется небольшой кабачок. Над ним вывеска „Ресторан цур Альтштадт“. Ничего примечательного нет снаружи. Вывески—как вывески, витрины, уставленные аппетитными блюдами, из которых многие не по карману шарлоттенбургскому пролетарию. И, однако, рабочие, живущие в этом квартале, хорошо знают, что происходит в стенах этого ка-

митинг рабочих. Вот гремит „Интернационал“, заседание окончено, и рабочие расходятся по домам.

Из зала выходит среди многих сотен пролетариев молодой рабочий Отто Грюнеберг. Он сворачивает в переулок, торящийся домой.

Другой молодой рабочий, Рименшнейдер, попадает в руки „штурмовиков“. Они обрабатывают его ножом. Три удара ножом получает ни в чем неповинный Рименшнейдер.

Грюнеберг бросается на помощь товарищу. Но фашисты обращаются теперь против него. Выстрелы прорезывают ночь.

— Держи его, красного негодяя. Бей!— Отто Грюнеберг мгновенно получает пулю в живот и валится наземь.

Штурмовой отряд „33“ выполняет эту „работу“. Из всех засад выскакивают „пацисы“, у них револьверы, ножи, их много, а у рабочих, на которых они нападают, нет ничего, кроме кулаков. И когда „работа“ сделана, тогда предводитель „33“, прозванный „красным петухом“, в триумфе празднует победу в пресловутом кабачке на Геббельштрассе 20. Там за кружкой пива фашистские балдины подводят итоги своей деятельности. Всего несколько месяцев, как штурмовой отряд „33“ подвизается на Геббельштрассе, но уже можно подвести некоторые „итоги“.

15 сентября был избит до полусмерти рабочий Фриц Ноак.

22 ноября подстрелены сразу четыре пролетария.

1 января штурмовики „33“ поздравили с новым годом Артура Кюне, прострелив ему руку.

29 января ножами обработали Макса Ширмера...

Да можно ли здесь перечислять многочисленные жертвы штурмовиков „33“?

Характерно, что все эти преступления совершаются безнаказанно. Если порой кто-либо из фашистских молодцов „засыпается“,—ему не трудно доказать на германском суде свое алиби и тем избавить себя от наказания.

„Есть еще судьи в Германии“...

Двое убитых и восемь тяжело раненых за короткий срок. Это—итоги, на которые хотя бы для вида должна была обратить внимание берлинская юстиция. „Красный

петух“—Хан—наконец попал в Моабитскую следственную тюрьму.

Свидетельскими показаниями удалось установить, что он является руководителем бесчисленных нападений и налетов, что он подстрелил Грюнеберга, что все

Кабачок на Геббельштрассе в Берлине—штаб штурмового отряда „33“

преступления, совершенные штурмовиками „33“, совершены с его благословения.

Но Хан крикнул перед судьями жалкой овечкой. Как же может обвинить его господин прокурор? Ведь Хан не ведает, что творит...

А о всей банде убийц и погромщиков не было и речи на суде. Упомянулось, правда, об избиваниях и „хулиганских выходках“, но ни слова не говорилось об убийствах и покушениях, ни слова о том, что они проводят систему провокации. Об этом ничего не говорилось. И штурмовики вышли сухими из воды. Они готовятся к новым геройским подвигам.

Почему бы и нет? Этим наемникам контрреволюции не плохо опачивают, а знамя, украшенное фашистским значком, прикрывает все в Германской республике.

Безнаказанность полная, особенно если припомнить, с какой жестокостью германская реакция борется против рабочих организаций самообороны вроде союза красных фронтовиков.

Так на германской улице до поры до времени разгуливает фашизм.

Германские пролетарии под знаменем компартии активно борются с фашистскими молодцами, только темными ночами решаются разбойничать на улице.

Этот „молодой человек приятной наружности“—Гергард Нейберт, активист штурмового отряда „33“, всадивший нож в спину Эриха Рименшнейдера

бачка, такого безобидного на вид. Вот уже около года этот кабачок является штабом фашистской дружины—штурмового отряда „33“.

Отсюда фашистские убийцы пускаются в поход за добычей, здесь они вырабатывают планы налетов и нападений на революционных рабочих и пролетарские организации.

Притон „нацисов“ (национал-социалистов, фашистов) находится в самом центре пролетарского квартала. Но ведь фашисты чувствуют свою безнаказанность в „демократической“ республике Гинденбурга и Брюнинга. Они сыты, одеты и обуты. О них заботятся „столпы общества“, та самая буржуазия, которая живет неподалеку, в удобных квартирах высоких домов. Ведь фабриканты, крупные коммерсанты, банкиры, материально поддерживают фашистские организации, они охотно жертвуют деньги на „доблестную, истинно германскую молодежь, борющуюся с красной сволочью“. А эта „доблестная“ молодежь, убивая и калеча революционных пролетариев, ничем особенно не рискует. Она вооружена револьверами, а имея огнестрельное оружие, так легко нападать на безоружных рабочих.

Холодная зимняя ночь. В помещении „Германия-Паласт“ происходит ночной

Штурмовики из отряда „33“. На рукавах шавелей фашистские значки

ФОТО КАК ОРУЖИЕ

Выставка Джона Хартфильда, раскинутая в залах московского общества „Художник“, прежде всего поражает своей необычностью.

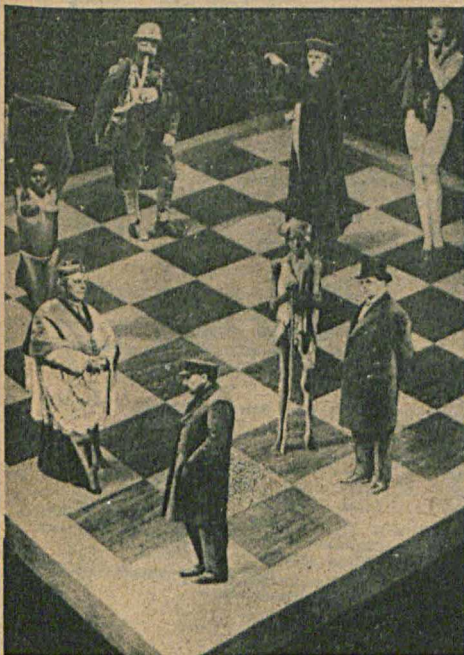
В этих залах мы привыкли видеть картины различной техники: масло, акварели, графики.

Джон Хартфильд — не художник в обычном смысле слова. Его жанр — совершенно особенный. Он фото-монтажер. Он берет фотографии, обычные фотографии, иллюстрирующие разные события современности, затем комбинирует их, раскрашивает, дорисовывает, комментирует вырезками из газет, склеивает, разрезает, — и в результате получается новый документ, гораздо более красноречивый, чем отдельные фотографии, служащий великому делу революционной пропаганды.

Приведем несколько примеров.

Портрет рейхсканцлера Мюллера, одного из столпов германской реакции: Упитанное лицо буржуа, в круглых очках. Ничего оно не говорит пролетарию. Таких лиц множество. В самом деле, чем это Мюллер замечателен? Джон Хартфильд охотно напоминает вам: в руку Мюллера он вкладывает его любимое детище — знаменитый броненосный крейсер „А“, это новое оружие германского империализма, постройка которого легла тяжелым бременем на изнеможенные плечи германского пролетария. В этом фотомонтаже кроется большой политический смысл: этот фото-монтаж агитирует против строителей новых орудий милитаризма, против эксплуататоров рабочего класса.

Германский рейхстаг. Что он собой представляет? Кто те „народные избранники“, которые сидят на парламентских скамьях и решают судьбы германской республики? Хартфильд показывает это очень наглядно. Пустое помещение с бесчисленными рядами пустых скамей. Зал заседаний распущенного парламента. Огромными буквами этот зал покрывает § 48 — знаменитый параграф германской конституции, дающий право президенту в удобный для него момент разгонять рейхстаг и управлять страной по своей воле. Кто же возглавляет все-таки этот рейхстаг? На трибуне президиума три головных убора: шлем фашиста, цилиндр капиталиста и митра попа. Вот кто „народные избранники“.

Шахматные фигуры буржуазного общества. Фото-монтаж Хартфильда

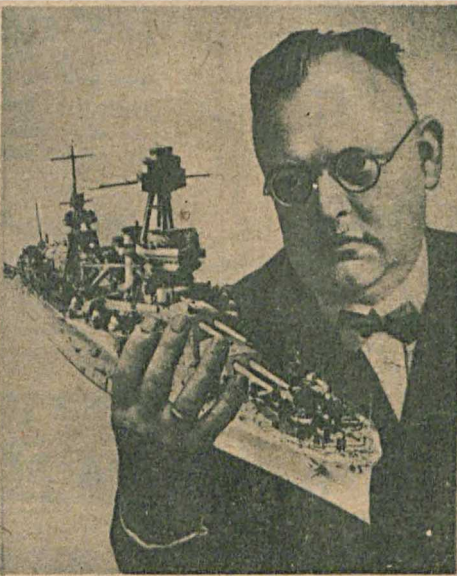
Хлеще изобразить лицемерие буржуазного парламентаризма едва ли удастся самому острому карикатуристу.

Еще один пример: Карл Маркс в странном окружении людей в касках и военных шинелях. Карл Маркс арестован как лжепророк.

Темой для этого фото-монтажа послужила ультрареакционная речь социал-демократа Зольмана на лейпцигском съезде. Зольман договорился до того, что „Коммунистический манифест“ Маркса устарел. И в самом деле: благодаря Карлу Марксу, по мнению социал-демократов, пролетарии потеряют не цены, а теплые местечки бюрократов.

Хартфильд, ведя свою агитацию, отдав себя делу служения компартии, откликается на все кампании революционного пролетариата Германии.

Серые столбцы боевого органа КНГ „Роте Фане“ благодаря Хартфильду превращаются в яркие политические плакаты. Когда идет жестокая предвыборная борьба,

Рейхсканцлер Мюллер со своим броненосцем „А“
Фото-монтаж Хартфильда

Хартфильд остроумно придумывает простейший агитационный плакат.

Крепкая рабочая рука. Широко расставленные пять пальцев. Питерия — и больше ничего. Почему? Ответ крайне прост. На последних выборах в рейхстаг коммунисты проходили по списку № 5.

„Рука имеет пять пальцев. Рукой ты побеждаешь врага. Голосуй за список № 5“.

С помощью фото-монтажа Хартфильд обслуживает не только газету с ее текущими событиями, не только сатирический журнал, но в разнообразии своей деятельности он создает особый жанр фото-монтажа для книжной обложки.

Вот в витринах на выставке пышно расцветают обложки германского издательства Маллик, работы фото-монтажера Хартфильда. Целью фотографических документов Хартфильд выявляет политическую сущность книжки; он делает обложку не только привлекательной для читателя, но и глубоко содержательной, насыщенной социальным и политическим содержанием.

Трудно в этой заметке исчерпать многообразие тем Хартфильда. В Советском союзе пользуется известной популярностью книга германского левого журналиста Курта Тухольского — „Германия превыше всего“. Книга эта, можно смело сказать, обязана своей популярностью почти исключительно тому, что ее преподнес читателю Хартфильд, украсил ее своими прекрасны-

Джон Хартфильд

Фот. С. Шингарева

ми фото-монтажами, дающими яркое представление о политической сущности Германии Гинденбурга. Впрочем, украсил — неверное слово. В этом слове предполагается нечто от эстетизма, а Хартфильд меньше всего преследует цели эстетизма в том виде, в каком их понимает буржуазная теория искусства. Хартфильд осмыслил, сделал более колоритными острые строки фельетона Тухольского.

Несколько слов о самом мастере фото-монтажа. Хартфильд (это его псевдоним, а настоящая фамилия — Герцфельд) проделал несколько извилистый путь в своем творчестве. Он начал с анархического бунтарства, с протеста против закостенелых форм искусства и жизни, и пришел к твердому убеждению, что он только тогда окрепнет и расцветет как художник, если он подчинит свое творчество служению компартии, служению авангарду рабочего класса.

Те работы, которые Джон Хартфильд предлагает вниманию победившего совет-

Карл Маркс, арестованный социал-фашистами как лжепророк. Фото-монтаж Хартфильда

ского пролетариата, доказывают, что Хартфильд не только талантливый фото-монтажер, но и подлинный художник пролетариата.

М. Зверев

Открыт прием под

ПОПУЛЯРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

„АВТОДОР“ — газета-орган ЦС Автодора выходит 2 раза в месяц. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: — 12 мес. — 2 руб. 40 к., 6 мес. — 1 руб. 20 коп., 3 мес. — 60 коп.

„ЗА РУЛЕМ“ — иллюстрирован. журнал автомобильного и дорожного строительства. Орган ЦС Автодора. 2 №№ в месяц. Приложение: 24 №№ Библиотеки „ЗА РУЛЕМ“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: Журн. „За рулем“ — 12 мес. — 4 руб. 80 к., 6 мес. — 2 руб. 40 коп., 3 мес. — 1 руб. 20 коп. С приложением Биб-ки „За Рулем“ — 12 м. — 10 р., 6 м. — 5 р., 3 м. — 2 р. 50 к.

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“ — ежемесячный популярно-технический иллюстрированный журнал. Орган Всесоюзного Комитета шефства печати над изобретательством и Оргбюро Всесоюзного общества изобретателей при ВЦСПС. Приложение „Библиотека Изобретателя“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА. журнал „Изобретатель“ — 12 мес. — 4 р., 6 мес. — 2 руб., 3 мес. — 1 руб. С приложением Библиотеки — 12 мес. — 10 руб., 6 мес. — 5 руб., 3 мес. — 2 руб. 50 коп.

„ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“ — часовой популярно-производственно-технич. журнал. Орган ВЦСПС и О-ва „Овладежь техникой“. Приложение: техническая библиотека „Справочник ударника“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: журнал „Овладеем техникой“ — 12 мес. — 6 р. 60 к., 6 мес. — 3 р. 30 к., 3 мес. — 1 р. 65 к., 1 мес. — 55 к. С приложением Библиотеки — 12 м. — 10 р. 20 к., 6 м. — 5 р. 10 к., 3 м. — 2 р. 55 к., 1 м. — 85 к.

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО“ — ежемесячный творческо-методический и научно-технический журнал. Орган Союзфото и ОЗПКФ. Приложение: 12 №№ „Библиотеки Пролетфото“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: журн. „Пролетфото“ — 12 мес. — 7 р., 6 мес. — 3 р. 50 к., 3 мес. — 1 р. 75 к. С приложением Биб-ки — 12 мес. — 13 руб., 6 мес. — 6 руб. 50 коп., 3 мес. — 3 руб. 25 коп.

„РАДИОФРОНТ“ — орган О-ва Друзей Радио и ВЦСПС. Выходит 2 раза в месяц. Прилож. 12 №№ Биб-ки „Радиофронт“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: журнал „Радиофронт“ — 12 мес. — 9 руб., 6 мес. — 4 руб. 50 коп., 3 мес. — 2 руб. 25 коп., 1 мес. — 75 коп. С приложением Библиотеки „Радиофронт“ — 12 мес. — 12 руб., 6 мес. — 6 руб., 3 мес. — 3 руб., 1 мес. — 1 руб.

Издан. по вопросам печати:

„ЖУРНАЛИСТ“ — еженедельник по политическим, производственным, профессиональным и хозяйственным вопросам печати. Орган ЦК Союза печати и бумаги. Приложение Библиотека „Журналиста“ (4 книжки в год).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: журн. „Журналист“ — 12 мес. — 9 р., 6 мес. — 4 руб. 50 коп., 3 мес. — 2 руб. 25 коп. С приложением Библиотеки — 12 мес. — 13 р., 6 мес. — 6 р. 60 к., 3 мес. — 3 р. 25 к.

Подписка в Биб-ной принимается только поквартально: с I/1, I/IV, I/VII и I/X.

„ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ ПЕЧАТИ“ — Орган Госплана СССР и Комитетов по делам печати РСФСР и УССР. Выходит ежемесячно.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м. — 10 р., 6 м. — 5 р., 3 м. — 2 р. 50 к.

„ФОТОКОР“ — газета массового фотодвижения. Орган Союзфото и ОЗПКФ. Выходит каждые 10 дней. Приложение: „Биб. Фотокора“ (36 №№ в год).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: газ. „Фотокор“ — 12 мес. — 3 руб. 60 коп., 6 мес. — 1 руб. 80 коп., 3 мес. — 90 коп. С приложением Биб-ки — 12 мес. — 10 руб., 6 мес. — 5 руб., 3 мес. — 2 руб. 50 коп.

Изд. на иностранных языках:

„MOSKAUER RUNDSCHAU“ Wochenschrift für Politik, Kultur und Wissenschaft der Sowjet Union. BEZUGSPREIS: 1 Jahr—Rbl. 5.00, 6 M-te—Rbl. 2.50, 3 M-te Einzelnummer—10 kop. —Rbl. 1.25.

„MOSCOW NEWS“ the five day weekly. News and comments, Articles, Stories and pictures about all aspects of life and work in the Soviet Union. Foreign news and comments.

SUBSCRIPTION RATES: 1 year—Rbl. 7.00, 6 months—Rbl. 3.50, 3 months—Rbl. 1.75. Single copies—10 kop.

„WORKERS NEWS“ appears evergothor day published in the english language. Contains articles about the tremendous achievements and developments of Socialist Construction in the USSR and about the working class struggle in the capitalist countries.

SUBSCRIPTION RATES: 1 year—Rbl. 9, 6 months—Rbl. 4 50, 3 months—Rbl. 2.25. Single copies—5 kop.

„DAS ERFINDUNGSWESEN IN DER UdSSR“ Monatsschrift in deutscher und englischer Sprache. Unterrichtet über alle aktuellen Fragen des gewerblichen Rechtsschutzes und der technischen Hilfe.

BEZUGSPREIS: 1 Jahr—Pbl. 4 00, 6 M-te 2 40. Einzelnummer—40 kop.

„INVENTION IN USSR“ („Das Erfindungswesen in der UdSSR“). Monthly journal in German which includes a regular section in English.

The journal devotes special attention to all questions relating to commercial law especially patent law and problems of technical assistance in the USSR.

SUBSCRIPTION RATES: 1 Year—Rbl. 4.00, 6 months Rbl. 2.40 Single copies—40 kop.

ПИСКИ на 1932 год

Литературно-художественные и специальные изд.:

„ОГОНЕК“ — еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал. Приложение 72 №№ „Биб-ки Огонек“ и 24 ил. произведений мировой художественной литературы под общим названием „История молодого человека XIX ст.“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: журн. „Огонек“ — 12 мес. — 3 руб. 60 коп., 6 мес. — 1 руб. 80 коп., 3 мес. — 90 коп. 1 ш. — 30 ил. С приложением „Биб-ки Огонек“ — 12 мес. — 12 руб., 6 мес. — 6 руб., 3 мес. — 3 руб., 1 ш. — 1 р. С приложением „История молодого человека“ — XIX оста. — 12 мес. — 19 руб.

Допускается рассрочка: и 1/I, 1/III, 1/IV и 1/VII по 4 руб. 75 ил. Подписчикам, уплатившим все взносы, бесплатная премия — иллюстрированный альбом „Москва“.

„БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК“ — 2 ил. кажд. 10 дней.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
12 мес. — 10 руб., 6 мес. — 5 руб., 3 мес. — 2 руб. 50 коп.

„БОРЬБА КЛАССОВ“ — исторический журнал 0-ва историков-марксистов. Выходит ежемесячно.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
12 мес. — 10 руб., 6 мес. — 5 руб., 3 мес. — 2 руб. 50 коп.

„ДРУГ ДЕТЕЙ“ — Орган Всерос. Московск. и Ленингр. Советов 0-ва „Друг Детей“. Выходит ежемесячно.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м. — 2 р. 40 ил., 6 м. — 1 р. 20 ил., 3 м. — 60 ил.

„КРАСНАЯ БЕССАРАБИЯ“ — ежемесячный иллюстрированный журнал 0-ва бессарабцев.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м. — 2 р. 40 ил., 6 м. — 1 р. 20 ил., 3 м. — 60 ил.

„МОДЫ СЕЗОНА“ — 1 выпуск каждые 3 месяца.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 10 руб., 6 мес. — 5 руб.
Подписка только поквартирно с 1/I, 1/IV, 1/VII и 1/X.

Издания по вопросам литературы и искусства:

„ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА“ — Орган ФOSP. Выходит кажд. 5 дней.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 3 руб. 60 коп., 6 мес. — 1 руб. 80 ил., 3 мес. — 90 ил.

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО“ — Орган РАПП и Ин-та ЛЯИ Комнадемии. 1 ил. каждые 2 мес.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: — 12 мес. — 15 руб., 6 мес. — 7 руб. 50 коп.
Подписка принимается только с 1/I и с 1/VII.

„РОСТ“ — массовый журнал пролетарской литературы. Орган РАПП и МАПП. Выходит 2 раза в месяц. Приложение 24 №№ „Биб-ки Роста“ и 24 ил. произвед. мировой художеств. литерат. под общим названием „История молодого человека XIX столетия“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: журн. „Рост“ — 12 мес. — 4 руб., 6 мес. — 2 руб., 3 мес. — 1 р. С прилож. Биб-ки: 12 мес. — 7 р. 40 ил., 6 мес. — 3 р. 70 ил., 3 мес. — 1 р. 85 ил. С прилож. „История молодого человека XIX столетия“ — 12 ил. — 19 р. Допускается рассрочка: и 1/I, 1/III, 1/IV и 1/VII по 4 р. 75 ил. Подписчикам, уплатившим все взносы, бесплатная премия: иллюстрированный альбом „Москва“.

„СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО“
массовая газета по вопросам искусства.
Выходит каждые 5 дней.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 3 руб. 60 коп.,
6 мес. — 1 руб. 80 коп., 3 мес. — 90 коп.

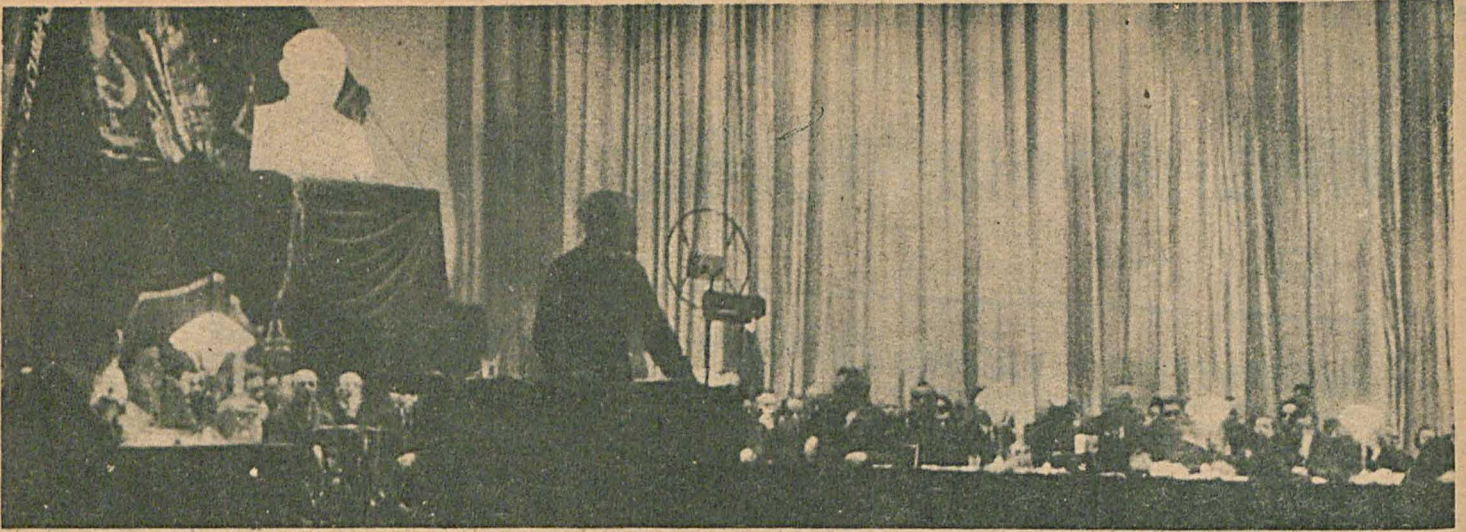
„СОВЕТСКИЙ ТЕАТР“ — Общественно-политический журнал по вопросам театра и марксистского театроведения. Вых. ежемесячно.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
12 мес. — 8 р., 6 мес. — 4 р., 3 мес. — 2 р.

„К И Н О“ — пятидневная газета. Орган Союзкино и ОЗКФ. Приложение: 24 №№ „Биб-лиотеки Кино“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: газ. „Кино“ — 12 мес. — 3 руб. 60 коп., 6 мес. — 1 руб. 80 коп., 3 мес. — 90 коп. С приложением Библиотеки: 12 мес. — 7 руб. 60 ил., 6 мес. — 3 руб. 80 ил., 3 мес. — 1 руб. 90 ил.

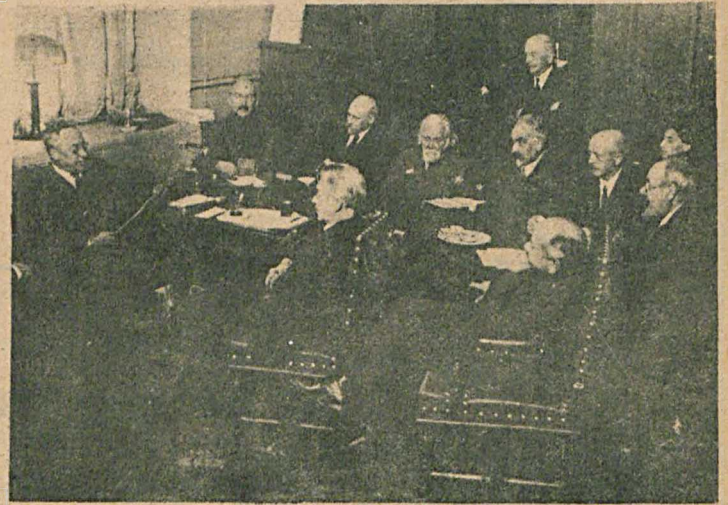
Подписка на все издания принимается исключительно почтой. ПОДПИСКУ СЛЕДУЕТ СДАВАТЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО, во всяком случае не позже установленного местной почтой срока. Подписка, сданная позже установленного срока, переносится исполнением на следующий месяц. Тиражи изданий ограничены, для обеспечения бесперерывного получения СЛЕДУЕТ ПОДПИСАТЬСЯ НА БОЛЕЕ ДЛИТЕЛЬНЫЙ СРОК — НА ГОД, ПОЛГОДА.

Деятельность ИМП. 1 декабря в Москве в Большом театре состоялось торжественное заседание, посвященное празднованию 10-летия Института красной профессуры. С большим докладом выступил один из организаторов института тов. М. Н. Покровский. С приветствиями выступили нарком просвещения тов. Еубнов, секретарь ЦК тов. Каганович и представители пролетариев московских заводов. На снимке: выступление тов. Кагановича на торжественном заседании

Пленум РАППа. 2 декабря открылся пленум правления РАППа. Пленум посвящен вопросам перестройки РАППа на основе указаний п. о. партии «Правда». Пленум привлек внимание всей советской литературной общественности и прошел при неизменно переполненном зале

Заседание президиума Академии наук, посвященное вопросу об открытии филиалов Академии наук по СССР

ВЗГЛЯНУВ НА КАРТУ...

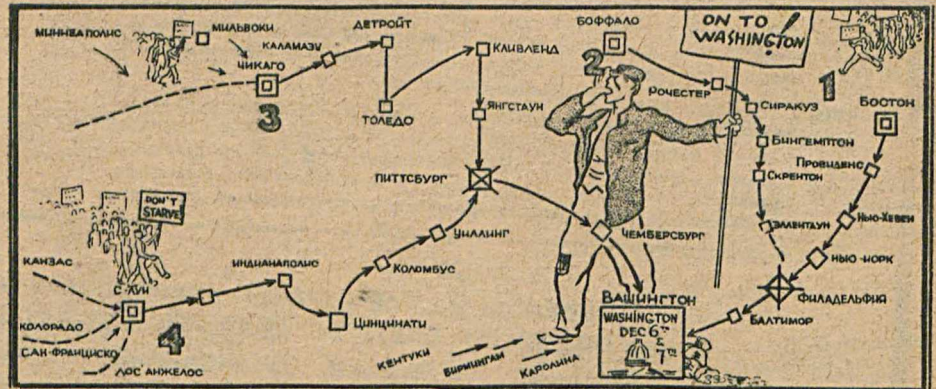
В центральном органе компартии Соединенных штатов «Дейли уоркер» в течение прошлого месяца довольно часто появлялась карта, подобная той которую мы даем здесь. На этой карте отмечены города различных Северо-Американских штатов, причем, как вы видите, эти города соединены линиями, отмечающими различные маршруты.

Карты эти печатаются «Дейли уоркер» в качестве подготовки к «голодному походу», который в начале декабря начнется со всех концов Соединенных штатов. Сорок миллионов трудового населения Соединенных штатов, живущих в крайней нужде и голоде, избрали своих делегатов, своих ходоков, которые вступили в колонны безработных, потянувшись к Вашингтону, столице Соединенных штатов.

7 декабря в Вашингтоне откроется очередная сессия конгресса. Представители господствующих классов соберутся там не для того, разумеется, чтобы оказать действительную помощь голодающим пролетариям. У них — фабрикантов, крупных аграриев, банкиров — свои заботы. Им хочется во что бы то ни стало вынудить из пеньки научные кризиса, им хочется выбраться из тысячи хозяйственных неудач. Правительство Гувера не идет ни на какие уступки выброшенным за ворота фабрик и заводов пролетариям. В богатейшей Америке, еще так недавно кичившейся своим процветанием, нет ни государственного страхования от безработицы, ни обязательной государственной помощи голодным. Американская буржуазия признает единственное средство и борьбу с безработицей и голодом. Это средство — частная благотворительность. Капиталисты не особенно склонны раскошелиться. Они предпочитают, считая это наиболее справедливым, чтобы занятые на предприятиях рабочие жертвовали в фонд безработицы. Правительственная комиссия для «визуальной помощи» безработным предлагает собрать 142 млн. долларов среди занятых рабочих. Таким личным приемом благотворительности на чужой счет американская буржуазия пытается парализовать движение безработных.

Разоблачая лживость игры буржуазии, коммунистическая партия Соединенных штатов организует мощную демонстрацию безработных в виде «голодного похода». И в тот день, когда в Вашингтоне открывается сессия конгресса, — колонны делегатов от 40 млн. безработных вступят в Вашингтон, требуя работы и хлеба.

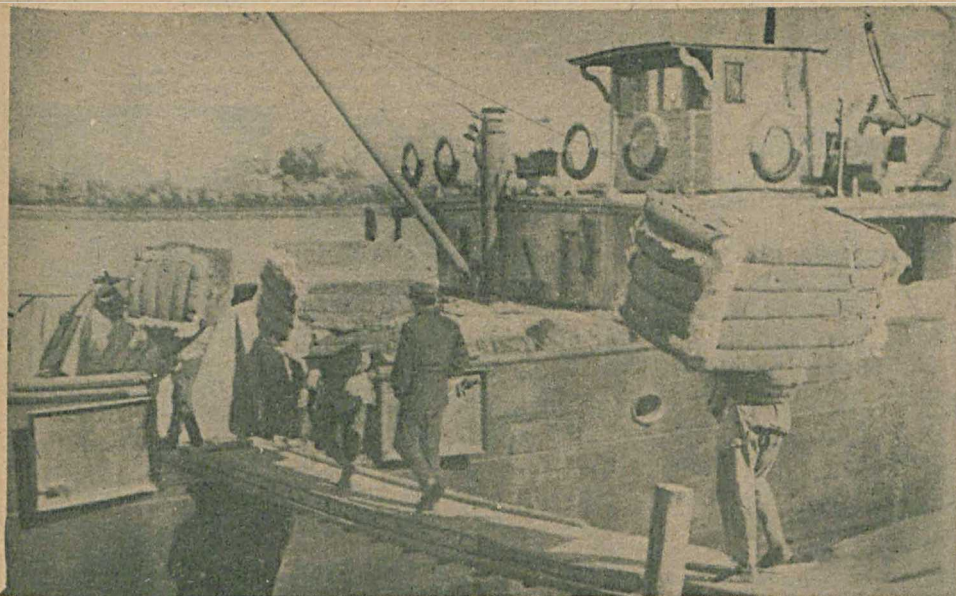
ство в походе. Районные и местные секции Межрабкома, как органа международной солидарности, собрали фонды, необходимые для обеспечения участников голодного похода пищей, теплым одеялом и кровом. Коммунистическому руководству приходится вести деятельную пропаганду, добываясь того, чтобы рабочие, еще занятые в

Как и следовало ожидать, социал-фашистские вожди Американской федерации труда оказались на стороне капиталистов и приняли меры для того, чтобы всячески препятствовать «голодному походу». Все силы полиции, военных частей и сыщиков мобилизованы ко дню 7 декабря. Реформистские лидеры требуют от рабочих, входящих в Американскую федерацию труда, чтобы они не принимали участия в походе. Однако эти рабочие в ряде мест не только являются участниками похода, но и его организаторами наряду с компартией, которой принадлежит главное руковод-

производстве, осознали общность классовых интересов с рабочими, уже выброшенными с производства. В огромной революционной работе, проводимой на местах, в этом пока еще наиболее слабое звено. Однако, заявления со стороны занятых рабочих о присоединении к походу и солидарности с безработными ширятся с каждым днем. Надо полагать, что голодный поход пройдет успешно, несмотря на противодействие социал-фашистов и буржуазии, несмотря на полицейский террор, свирепствующий по отношению к участникам похода.

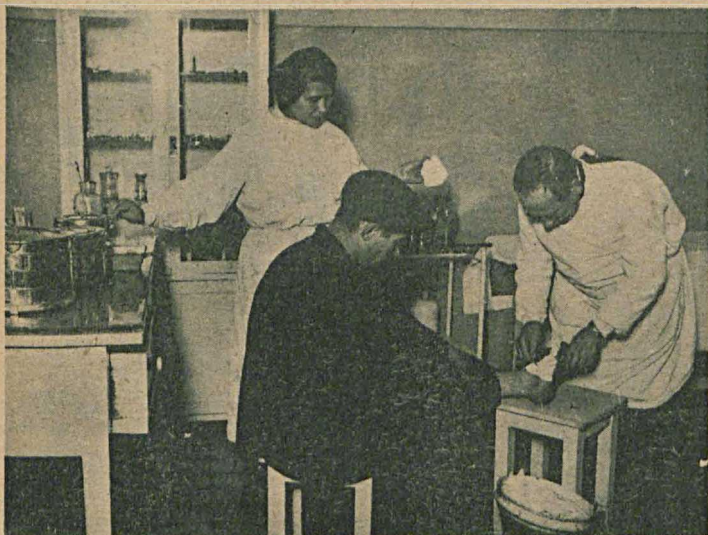
ФОТО-ХРОНИКА

Морской транспорт в помощь перевозкам. До окончания навигации форсированными темпами проходит переборка хлопка по водным путям (г. Сальян—Азербайджан)

Новый завод в Средней Азии. Установка арматуры на стройке нового цеха Ташкентского седьмашестрса, который будет снабжать машинами всю Среднюю Азию

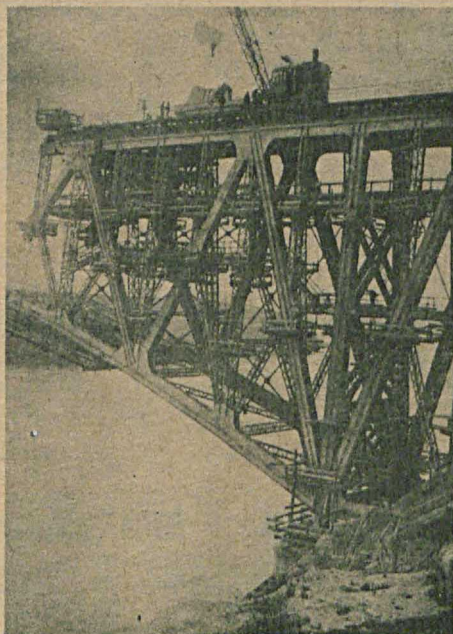
Медлунты на заводах. На заводе «Серп и Молот» (Москва) открыт медпункт по оказанию первой помощи рабочим

Строительство «Красного Путиловца». На заводе «Красный путиловец» в Ленинграде вступили в строй вновь выстроенные: тракторно-чугунная мастерская, литейная, мощностью в 18 тыс. тонн литья в год, турбинный корпус и термическая мастерская. На с н и м к: новая термическая кузница тракторного завода

На ударных стройках Московской области. Закачивается монтаж основания мельницы шломотного завода Вобриковского химкомбината

Днепроострой готовится к пуску. В связи с постройкой плотин Кичкасский железнодорожный мост через Днепр переносится в другое место

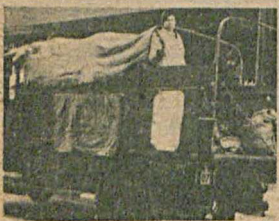
Учатся работать у марленов. На заводе «Красный Октябрь» в Сталинграде в марленовском цехе выделены две печи для обучения фабрайцев сложной работе марленщиков

Германский пролетариат борется с безработицей. В Берлине состоялся расширенный пленум Всегерманского комитета безработных. В состав делегатов пленума входили беспартийные, коммунистические и социал-демократические рабочие. Выступивший на пленуме с обстоятельным докладом тов. Шретер наметил

ближайшие задачи движения безработных и особо подчеркнул значение связи рабочих, занятых на предприятиях, с безработными. В заключение Шретер обратился с призывом мобилизовать всех безработных к всегерманскому дню безработных, назначенному на 15 декабря, и организовать в этот день выступления голодных масс на борьбу против фашизма, за советскую Германию.

Правительство Брунинга ведет наступление на движение безработных. В то время как буржуазия всячески снижает размеры пособий для лишившихся работы пролетариев, она старается заткнуть

голодные рты благотворительными подаяниями. Дамы-патронессы, веда кампанию "нимней помощи безработным", собирают старый хлам для раздачи его среди нуждающихся безработных. Разумеется, эта "благотворительность" никого не обманет, и германские пролетарии знают, что им надо наяться не на благородство буржуазии, а на собственные силы. Межрабпом, организация пролетарской солидарности, открыл в Веддинге и других рабочих кварталах Берлина ряд кухонь, питающих безработных и их семьи. Здесь речь идет не о раздаче милостыни, которой буржуазия успокаивает свою совесть, а о действительной помощи, о оживляемой работой собра-

тням по классу и товарищам по борьбе с капитализмом.

На снимке: сверху — кухня Межрабмо для безработных; внизу — грузовик с благотворителями в Берлине.

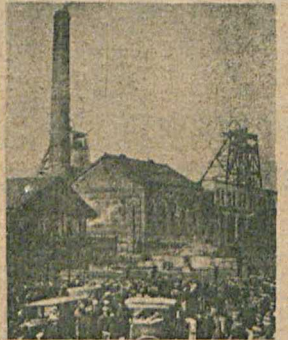
Экономический кризис в Японии углубляется. На недавнем совещании японских финансистов в Осаке министр финансов Иноуэ заявил, что кризис продолжается и что перспективы на улучшение хозяйственного положения Японии нет. Хозяйству Японии нанесен сильный удар отменой золо-

того стандарта в Англии и манчурским конфликтом. В связи с этим проводится дальнейшее сокращение зарплат рабочим и служащим, и новые кадры пролетариев выбрасываются на улицу.

На снимке: безработные японские рабочие на регистрации в бюро по выдаче "благотворительных" пособий.

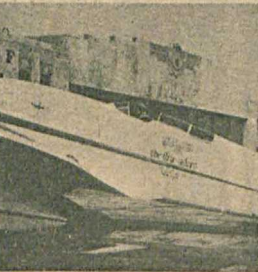
Мерты капиталистической эксплуатации. В шахтах Донкесгера (Англия), принадлежащих угольной компании "Бербер и Уолкер", произошед

варь по вине администрации, не принявшей мер безопасности. 34 рабочих было убито, 19 — тяжело ранено.

На снимке: толпа шахтеров у входа в шахту, где произошла катастрофа.

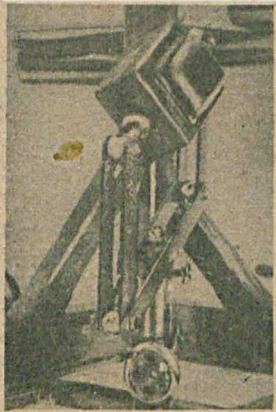
Рыцари пьяного дела. В САСШ существует лига крестоносцев. Лига эта борется за отмену "сухого закона", запре-

щающего употребление алкоголя в Соединенных штатах. Развивая свою деятельность, современные "крестоносцы" поставили авиацию на службу своей идее и с помощью самолета проводят свою "агиткампанию".

На снимке: агитсамолет Лиги крестоносцев надписью: "Помогайте снятию запрета со спиртных напитков", "Вступайте в лигу крестоносцев!"

Сильно радия на земном шаре. В Вене открылся новый радиологический институт, обладающий 3 граммами радия, этого редчайшего на

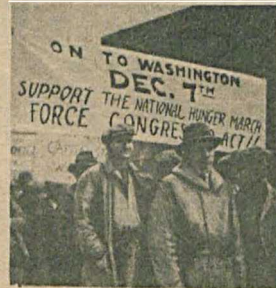

земле вещества. Всего, по сообщенным печати, на земном шаре имеется 500 грамм радия.

На снимке: аппарат для просвечивания радием в Венском радиологическом институте.

Общемееринский голодный поход. Пролетарии Соединенных штатов провели большую подготовительную работу по организации "голодного похода" на Вашингтон. 7 декабря, в день открытия сессии

американского конгресса, 1.200 делегатов от голодающих безработных пролетариев Америки проникли в здание конгресса и вручили свои требования представителям американской буржуазии, заседающим в конгрессе (подробнее

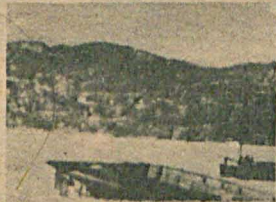
см. в этом номере ст. "Взглянув на карту").

На снимке: подготовительная демонстрация чикагских безработных; на плакатах агитационные лозунги: "Заставим конгресс действовать" и др.

Злополучный "Наутилус" затонул. Падкая до сенсаций буржуазная печать всячески рекламировала экспедицию по-

лярного исследователя Губерта Вилькинса, решившего отправиться к Северному полюсу на подводной лодке "Наутилус". Едва спустившись в воду "Наутилус" потерпел аварию, но был заново отремонтирован, и Вилькинсо отправился в дальнейшее плавание. Недавно злосчастная субма-

рина затонула в норвежских водах, близ Бергена.

На снимке: вверху — "Наутилус" в Бергенской бухте до аварии; внизу — подводная лодка во время аварии.

Дела германских фашистов. Председатель коммунистической организации в Вад Зюльце, тов. Вилли Браун убит

"пацисами" (фашистами) в ночь с 1 на 2 ноября. Убийцы изуродовали труп Брауна до неузнаваемости.

Мостовые из резины. В Париже проводятся опыты по прокладке нового типа уличных мостовых. Мостовые эти

представляют собой длинные полосы резины, залитые сверху особым смолистым составом.

Милитаризация польских школьников. В Варшаве состоялся парад школьников,

членов организации газовой обороны. Милитаризованные дети маршировали по городу в противогазовых масках.

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар 11.

Издатель — Журнально-газетное объединение

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Чтобы получать журнал без перерыва с января 1932 г. необходимо немедленно сдать подписку.

Тираж журнала ограничен, не сдавшие подписку во время могут лишиться возможности его получения.

Подписка принимается исключительно почтой до установленного ею срока. Опоздавшая подписка переносится на следующий месяц.

Журнально-газетное объединение

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА „ОГОНЕК“ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ НА 1932 ГОД

Журнал „Огонек“: 12 мес.—3 р. 60 к., 6 мес.—1 р. 80 к., 3 мес.—90 коп., 1 мес.—30 коп. „Огонек с приложением „Библиотеки Огонек“: 12 мес.—12 р., 6 мес.—6 р., 3 мес.—3 р., 1 мес.—1 р. „Огонек“ с приложением „Истории молодого человека XIX столетия“: 12 мес.—19 руб. Допускается рассрочка: 1/1, 1/III, 1/V и 1/VII по 4 р. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 г. на МОЛОДЕЖНЫЕ, ПИОНЕРСКИЕ И ДЕТСКИЕ ЖУРНАЛЫ

ЦК ВЛКСМ и ЦВ ДКО

Каждый комитет и ячейка ВЛКСМ должны провести массово-тиражную работу по распространению журналов ЦК ВЛКСМ, выделив общественных организаторов подписки, и обеспечить максимальное распространение их среди рабочей молодежи. Через комсомольскую периодическую печать мобилизуем внимание молодежи на узловые участки социалистического строительства и на выполнение генеральной линии коммунистич. партии

ИЗВЕСТИЯ ЦК ВЛКСМ

Руководящий орган в повседневной работе комсомольских комитетов, ячеек, отдельных членов комсомола.
Выходит 24 №№ в год. Год и дания VIII
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1932 год: на год—3 р. 20 к., на 6 м.—1 р. 60 к., на 3 м.—80 к.
Цена отдельного №—15 к.

КНИГА МОЛОДЕЖИ

Журнал по вопросам молодежной и детской печати.
Выходит 1 раз в м-сяц.
Год издания III.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год: на год—4 р., на 6 м.—2 р., на 3 м.—1 р.
Цена отдельного №—40 к.

ЯЧЕЙКА

Журнал низового актива и широких масс членов ВЛКСМ фабрично-заводских ячеек
Выходит 36 №№ в год.
Год издания II.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1932 год: на 12 мес.—3 р., на 6 мес.—1 р. 50 к., на 3 м.—75 к.
Цена отдельного №—12 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный, общественно-политический и научно-популярный журнал.
Выходит 12 №№ в год. XI год издания.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год: на год—9 р. 60 к., на 6 м.—4 р. 80 к., на 3 м.—2 р. 40 к.
Цена отдельного №—1 руб.

ЗА ТЕОРЕТИЧ. УЧЕБУ

Журнал является практически помощником пропагандиста, активиста, слушателя партийных школ, политобразования в их повседневной работе и учебе.
Выходит 24 №№ в год.
Год издания II.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год: на 1 год—4 р., на 6 м.—2 р., на 3 м.—1 р.
Цена отдельного №—20 к.

МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК

Общественно-политический двухнедельный журнал Московской области ВЛКСМ.
Выходит 24 №№ в год.
Год издания IX.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 г. на 12 мес.—4 р., 6 мес.—2 р., 3 мес.—1 р.
Цена отдельного №—20 к.

КОЛХОЗНЫЙ ВОЖАТЫЙ

Руководящий журнал по работе пионер-организации в колхозе и в деревне.
Выходит 2 раза в месяц.
3-й год издания.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год: на год—2 р., на 6 м.—1 р., на 3 м.—50 к.
Цена отдельного №—10 к.

ВОЖАТЫЙ

Руководящий журнал по теории и практике детского коммунистического движения.
Выходит 2 раза в м-ц. Год издания IX.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год: на год—3 р. 20 к., на 6 м.—1 р. 60 к., на 3 м.—80 к.
Цена отдельного №—15 к.

Нет ни одной мел.-дор. ячейки, не проводившей массово-тиражной работы и не охватившей подпиской на журналы свою молодежь
КОМСОМОЛ НОВОСТРОЕК—ГИГАНТОВ ПЯТИЛЕТКИ, — журналы ЦК ВЛКСМ как в текущем году, так и в 1932 году борются за социалистическое строительство. Борись за распространение журналов рабочей молодежи.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ НИЖНИМИ МАГАЗИНАМИ И ОТДЕЛЕНИЯМИ КНИГОЦЕНТРА, НА ПОЧТЕ И ПИСЬМОНОСЦАМИ

Издательство „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК“ МОСКВА, 6 Страсти. площ.

ПОСПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ на 1932 год НА ЖУРНАЛЫ:

КРАСНАЯ НИВА

ЕЖЕДЕКАДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ (10-й год издания)
Под РЕДАКЦИЕЙ: Н. М. Грохского, В. А. Зарзара, В. В. Осипского, М. А. Чарного

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ (8-й год издания)
Под РЕДАКЦИЕЙ: Н. М. Грохского, А. Г. Калашникова, В. П. Полоцкого (отв. редактор), В. И. Солосеева.

НОВЫЙ МИР

В 1932 году в журнале „НОВЫЙ МИР“ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:

Н. АСЕЕВ — Пятилетка, повесть. И. БАБЕЛЬ — Рассказы: Иван да Марья, Медь, Весна. Андриан Маринец, У Троицы. Э. БАГРИЦКИЙ — Кулак, повесть. АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ — Россия кровью убитая (последняя глава романа). Ф. ГЛАДКОВ — Энергия, роман. К. ГОРБУНОВ — Кажень, повесть. А. МАЛЫШКИН — Рассказ. О. МАНДЕЛЬШТАМ — Путешествие в Армению, повесть. Г. НИКИФОРОВ — Творчество, роман. А. НОВИКОВ-ПРИБЫЙ — Дусима, главы из романа. Ю. ОЛЕША — Смерть Занды, пьеса; П. Рассказы. П. ПАВЛЕНКО — Баррикады, роман. В. ПАСТЕРНАК — Стихи. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ — В английской плену, воспоминания. В. САЯНОВ — Суд идет, поэма. С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Свидание, роман. П. СЛЕТОВ — Широкая падь, роман. А.А. ТОЛСТОЙ — Икорский завод, повесть; П. Петр Первый, роман (2-я часть). К. ФИНН — Превращение, повесть, и ряд произведений других авторов.
ЛЮДИ И ФАКТЫ ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ. НАУКА И ТЕХНИКА. ЗА РУБЕЖОМ. КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

ПОРТРЕТ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, УВЕЛИЧЕННЫЙ
Высылаю с любой фото-карточки размером 32x40 с упаковкой и пересылкой при получении 16 руб. При желании переписать лаком дорожно на 2 руб. Карточка возвращается.
Москва, 47, 6. Грузинская, 75. Худ. Фот. Л. В. САМОЙЛОВИЧ.

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР „ГУТЕНБЕРГ“ необходим и полезен каждому. Всякий момент сам легко составить и печатать любой текст, бланки, конверты, карточки, повести, счета, стихи, нивы, отчеты, фамилии и пр. 250 карточек, бума, цифр, знаков и украшений с принадлежн. и руков. 4 р. 60 к.
525 букв—9 р., 750 букв—13 р., 1000 букв—16 р. Пересылка за счет заказчика. Высылается наложенным платежом по получении задатка 3 руб.
В переводе необходимо четко и ясно указать свой обратный адрес.
Адрес: ОДЕССА, ул. Ленина, 23. Ш. ОРАЧ. Изготавливает всевоз. штампы и печати

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ **ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ**
ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ

быстро и живо откликается на важнейшие вопросы хозяйственного и культуры. строительства
ОЧЕРКОМ, РАССКАЗОМ, СТИХОТВОРЕНИЕМ, СТАТЬЕЙ, ФЕЛЬЕТОНОМ, ФОТО-ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ, РИСУНКОМ, КАРИКАТУРОЙ.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ! В связи с недостатком бумаги, комплекты журналов печататься не будут. Поэтому Издательство рекомендует всем подписчикам, желающим обеспечить получение всех номеров журналов, начиная с первого номера, сдать подписку местной почте **ЗАБЛАГОВРЕМЕННО**.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 г.
12 мес. 6 мес. 3 мес. 1 мес.
10р. 80к. 5р. 40к. 2р. 70к. — 80к.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА

ПОЧТЕ, организатору подписки, письмонощику, потребнооперации.

ПОДПИСКА НЕПОСРЕДСТВЕННО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ
НЕПРЕРЫВНЫЙ ПРИЕМ НА **ЗАОЧНЫЕ ГОСКУРСЫ** „И.Н.-Я.З.“ МОСКВА, Кузнецкий мост, 15. Отдел. Ленинград, ул. Пестеля, 9. Проспект выс. за 20 к. медк. марк.

„ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА
XIX столетия“
См. 4-ю стр. обложки

В 1932 году

ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛОВ „ОГОНЕК“ И „РОСТ“
ПОЛУЧАТ ПРИЛОЖЕНИЕМ

24 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ
КНИГИ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Под редакцией и со вступительными статьями М. ГОРЬКОГО
и А. ВИНОГРАДОВА

„ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ“

В эту библиотеку войдут произведения Бальзака, Бенжамен Констана, Бульвер-Литтона, Бурже, Валера, Гете, Лермонтова, Мюссе, Помяловского, Сенкевича, Слепцова, Стендаля, Тургенева, Фосколо, Шатобриана. Издание будет иллюстрировано лучшими художниками-графиками. В иллюстрировании примут участие: Алексеев, Бруни, Дмитриевский, Кравченко, Павлинов, Староносков, Суворов, Фаворский, Хижинский, Шиллинговский, Юдовин и др.

Открыт прием подписки на 1932 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

ОГОНЕК

(выходит три раза в месяц)

С приложением 24 книг „История молодого человека XIX столетия“—год 19 р.

РОСТ

(выходит два раза в месяц)

С приложением 24 книг „История молодого человека XIX столетия“—год 19 р.

Допускается рассрочка: к 1 января, 1 марта, 1 мая и 1 июля по 4 р. 75 к. Всем подписчикам, уплатившим все взносы полностью—бесплатная премия: иллюстрированный альбом „МОСКВА“. Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение.